

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

В. ЕВГЕНЬЕВ-МАКСИМОВ

НЕКРАСОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1946

Annotation

В настоящем издании представлен биографический роман о великом русском поэте Н. А. Некрасове.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [В. Евгеньев-Максимов](#)
 -
 - [НА ВОЛГЕ](#)
 - [В ЯРОСЛАВСКОЙ ГИМНАЗИИ](#)
 - [ПЕТЕРБУРГСКИЕ МЫТАРСТВА](#)
 - [ДРУЖБА С БЕЛИНСКИМ](#)
 - [НА ЖУРНАЛЬНОМ ПУТИ](#)
 - [ПОЭТ-ГРАЖДАНИН](#)
 - [В ГОДЫ «ОСВОБОЖДЕНИЯ» КРЕСТЬЯН](#)
 - [ПЕВЕЦ НАРОДА](#)
 - [СНОВА У КОРМИЛА ЖУРНАЛА](#)
 - [«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»](#)
 - [ПОЭМЫ О ДЕКАБРИСТАХ И «ДЕКАБРИСТКАХ»](#)
 - [ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ](#)
 - [ЛИЧНОСТЬ НЕКРАСОВА](#)
 - [СЛАВА ПОЭТА](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 - [Приложение 1](#)
 - [Приложение 2](#)

- - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
-

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

В.ЕВГЕНЬЕВ-МАКСИМОВ

НЕКРАСОВ

Под редакцией
ЦЕ ВЛКСМ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ЛЕНИНГРАД
1946

В. Евгеньев-Максимов

НЕКРАСОВ

1946

*

Гравюры на дереве Э. Будогоского

Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич
М., «Молодая гвардия», 1946

НА ВОЛГЕ

*О Волга!.. Колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?*

(Из стих. «На Волге»).

О предках Некрасова сведения разноречивы и скудны. Одно достоверно: к началу XIX века дворянский род Некрасовых обеднел и захирел. Причина этого — в разгульной жизни и вызываемых ею огромных тратах. Особенно подорвало род Некрасовых страстное увлечение многих его представителей карточной игрой. «Предки наши, — рассказывал отец поэта в кругу своей семьи, — были богаты. Прапрадед ваш проиграл семь тысяч душ, прадед — две, дед (мой отец) — одну, я — ничего, потому что нечего было проигрывать, но в карточки поиграть тоже любил». Нельзя отрицать налета легендарности на этом и подобных ему рассказах. Тем не менее совершенно игнорировать их было бы неправильно.

Гораздо достовернее и обширнее сведения о родителях поэта, главным образом об отце — Алексее Сергеевиче Некрасове. В молодости он служил офицером в одном из егерских полков, расположенных в Юго-западном крае. Там же он женился на Елене Андреевне Вакревской, дочери помещика средней руки, там же (в одном из местечек Подольской губ.) 22 ноября (4 декабря) 1821 года родился у четы Некрасовых сын Николай.

В 1824 году Алексей Сергеевич вышел в отставку и вместе с семьей переехал на жительство в свою родовую вотчину — село Грешнево, Ярославской губернии.

Отец поэта представлял собой довольно яркую фигуру крепостнической эпохи.

Достаточно вспомнить хотя бы те отзывы о нем, которые содержатся в целом ряде стихотворений его сына. Впервые образ Некрасова-отца мелькает в стихотворении «Псовая охота», дальнейшую же обрисовку получает в «Родине», «Несчастных» и в поэме «Мать».

В «Псовой охоте» я особенно в «Несчастных» изображена, преимущественно, внешняя обстановка жизни Алексея Сергеевича. Его времяпрепровождение в основном распределялось между охотой (когда, пользуясь отсутствием барина, спешил «забыться раб довольный») и следовавшими после охоты попойками.

«Угрюмый невежда» и «губитель» кроткой и прекрасной жены, развратник, превративший свой дом в дом «крепостных любовниц и псарей», насильник, который «всех собой давил» и мог свободно дышать среди «гула поделенных страданий», созданных им же, — таким представлен Алексей Сергеевич в стихотворении «Родина».

В поэме «Мать» краски как будто смягчены, и негодующее отношение сохранено лишь в некоторых выражениях: «красивый дикарь», «умеет ли он имя подписать?», семьянин, не чуждый девиза «любить и бить», причем эти слова вложены в уста матери Елены Андреевны Некрасовой, тщетно убеждавшей свою дочь порвать с деспотом-мужем. От себя же поэт говорит об отце в следующих словах, обращенных к матери:

*Твой властелин — наследственные нравы
То покидал, то бурно проявлял.
Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал.
Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил. —
На страже ты над ним стояла годы.
Покуда мрак в душе его царил...*

«Мрак» этот временами рассеивался:

*И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
У ног твоих — детей твоих отец.*

Однако борьба продолжалась целых «двадцать лет» и в такой мере надломил физические и нравственные силы матери поэта, что ей только и оставалось «тихо умереть»...

Не приходится сомневаться, что портрет Некрасова-отца, воссозданный творческой кистью сына, — в основном верен своему оригиналу. Это подтверждается также и воспоминаниями крепостных некрасовской вотчины.

По словам грешневского старосты Ераста Максимовича Торчина — А. С. Некрасов был очень скупой и прижимистый помещик: с крестьянами обходился жестоко — часто посылал их на «девятую половину», т. е. на порку; после смерти жены, иногда укрощавшей его дикие порывы, завел

себе несколько любовниц...

«Нечем мне барина хорошим помянуть, — говорил автору этих строк другой грешневский старожил, Сергей Семенович Полянин^[1] — Сколько битья-то этого мне вытерпеть пришлось! И за что бил-то? Письма мне диктовал, а я еще мальчёнком был, грамоте не больно знал; напишу что-нибудь не так, — сейчас и примется гвоздить. А то раз собаке его нечаянно ногу отдал, — на конюшню послал; там били меня так что едва жив поднялся. И считали еще, что со мною барин милостиво обошелся, — нужен ведь я ему был, — другого дворового за ту же вину в солдаты отдал. Умирать стану — «милостей» его не забуду. Волосы-то на висках, — за виски он меня драл, — недавно только выросли, да и то редкие такие»...

Во время этого рассказа худое лицо старика мучительно подергивалось, глаза наполнились слезами, руки дрожали. Неотразимое сознание старых обид властно охватило его душу.

Трудно даже представить размеры того вреда, который могли принести и в моральном и в общественном отношениях ребенку-Некрасову отцовские влияния и пример, если бы они не встретили решительного отпора со стороны матери поэта. Замкнутый и сдержанный по натуре, Некрасов буквально не находил достаточно ярких слов и сильных выражений, чтобы оценить роль матери в своей жизни.

Ф. М. Достоевский, рассказывая об одной беседе с Некрасовым, относящейся еще к 40-ым годам, пишет: «Он говорил мне со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери, и та сила умиления, с которой вспоминал о ней, рождала и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой, даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то уж, конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись где-нибудь украдкой, чтобы не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившим его...»

И юношей и стариком Некрасов всегда с любовью и преклонением говорил о своей матери. Подобное отношение к ней, помимо обычной сыновней привязанности, вытекало, несомненно, из сознания того, чем он ей был обязан:

*И если я легко стряхнул с годами
С души моей тлетворные следы
Поправшей все разумное ногами.*

*Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты —
О, мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!*

(Из стих. «Мать»)

Каким же образом «спасла душу» поэта его мать?

Прежде всего, будучи женщиной высокообразованной, она приобщала своих детей к умственным, в частности литературным интересам. В поэме «Мать» Некрасов вспоминает, что еще ребенком, благодаря матери, он познакомился с образами Данте и Шекспира. Она же учила его любви и состраданию к тем, «чей идеал — убавленное горе», то есть к крепостным своего мужа.

Ее исключительно участливое и гуманное к ним отношение засвидетельствовано не только стихами поэта, но опять-таки и воспоминаниями грешневских крестьян. Так, Торчин рассказывал, что Елена Андреевна «просила мужа за всех и иногда, вызывая гнев его, сама страдала». Крестьянка села Кошевка, Феоктиста Сорокина характеризовала мать поэта как «добрую, хорошую» барыню, которая «на работы в поле никогда не ходила, а когда во двор, сад или дом приходили работать, то следила, чтобы больные женщины не работали и вообще не брали непосильных работ и не поднимали тяжестей. Все женщины, когда не было дома барина, шли за советами, лекарствами к барыне, и она с каждой поговорит, расспросит как живет, о детях, о муже, помогала советом и давала, что могла».

Бывали случаи, когда заступничество матери Некрасова за крепостных не оставалось безрезультатным. Крестьянка Татьяна Широкова, отзываясь об Елене Андреевне как о барыне, которой «и цены нет», говорила: «Когда барин собирался бить дворового, она бросалась к нему на шею, и барин отступался».

Совершенно ясно, что волна сочувствия и сострадания к закрепощенному крестьянству, поднявшаяся в душе Некрасова еще в детские годы, должна быть поставлена в связь с материнским воздействием и примером. А что эта волна поднялась именно в детстве, — об этом

свидетельствует безусловно автобиографическое место в стихотворении «На Волге», где рассказывается о том, как юный Валежников (т. е. Некрасов), потрясенный встречей с бурлаками, называет родную реку «рекою рабства и тоски» и дает «клятву» посвятить свою жизнь борьбе за лучшее будущее народа.

Но мать не только сумела внушить своему сыну гуманные чувства в отношении к народу: она способствовала также сближению его с отдельными представителями крестьянской среды. В то время как отец Некрасова не позволял своим детям сходиться с крестьянскими ребятами — «мать часто отпускала их в деревню, когда отец уезжал: но только заслышит рог охотников, как уже посылает девушку, чтобы скорее шли дети: если же долго не вдут, а рог уже слышен близко, то бежала встречать детей сама» (из воспоминаний Торчина).

Общество грешневских ребят, по словам сестры поэта, притягивали Некрасова, как магнит. Мальчик проделал в решетке сада особую лазейку и при каждом удобном случае присоединялся к ребятам и принимал участие в их забавах.

Дружба Некрасова, с его сверстниками — деревенскими мальчиками — была настолько прочной, что не изорвалась и впоследствии. Некрасов и ярославским гимназистом, в каникулярное время, и петербургским литератором, во время побывок у родных, не прекращал этой дружбы.

В стихотворении «Крестьянские дети» говорится не только о совместных забавах и развлечениях маленького Некрасова с крестьянской детворой, но и о других формах общения с крестьянством, шире — с народом:

*У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди
сновали по ней без числа...
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет...
Случалось, тут целые дни пролетали.
Что новый прохожий, то новый рассказ...*

Но далеко не все впечатления от общения с крестьянской средой были таковы. Жизнь народа в то время являла гораздо больше мрачных сторон, чем светлых, и Некрасов не мог этого не видеть.

Если он был потрясен своей встречей с волжскими бурлаками, то не менее волновал его и встречи с партиями ссыльных, шедших по широкому Костромскому тракту в далекую Сибирь. А сколько невыразимо тяжелых сцен из жизни народа он наблюдал, когда отец, служивший одно время исправником, брал его с собой в «служебные разъезды»!

Правда, многого из того, что видел Некрасов на берегах Волги, на широких просторах Костромского тракта, во время отцовских служебных разъездов, и в родительской усадьбе, — он не мог осмыслить, ибо был еще очень молод, но впечатления от виденного и слышанного глубоко врезались в его память. Впоследствии эти впечатления, уже просветленные сознанием передового человека, ожили в его душе и, наполнив его поэзию «печалью и гневом», дали богатейший материал для художественного претворения.

Впечатления первых лет жизни, наряду с любовью к народу, воспитали в поэте пламенную, никогда не оставлявшую его любовь к родному краю. В будущем, вспоминая о детстве, Некрасов с исключительным мастерством создает картины столь милом ему волжской природы.

*Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики.
Шумели глухо камыши.
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть...*

.....

*О Волга!.. Колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я!
Один, по утренним зарям.
Когда еще всё в мире спит,*

И алый блеск едва скользит!
По темно-голубым волнам
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь рыбакам.
Катаюсь с ними в челноке;
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверек,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов...

(Из стих. «На Волге»)

В ЯРОСЛАВСКОЙ ГИМНАЗИИ

*..Придешь, бывало, в класс
И знаешь, сечь начнут сейчас!*

(Из поэмы «Суд»)

«Бывало, все сидит и читает»...

*(Из воспоминаний гимназического
товарища)*

В конце августа 1832 года Некрасов, вместе со своим братом Андреем, поступил в Ярославскую гимназию.

Что дала Некрасову гимназия?^[2]

Мало хорошего!

Можно ли говорить о благотворности пребывания в учебном заведении, в стенах которого авторитет учебы поддерживался чуть ли не исключительно розгой?

Очевидно Ярославскую гимназию имел в виду Некрасов, когда писал:

*...Вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас...*

(Из поэмы «Суд»)

По словам гимназического товарища Некрасова И. Горошкова, преподавание велось в этой гимназии совершенно неудовлетворительно; объяснений заданного урока обыкновенно не делалось; учителя знали свои предметы с грехом пополам; учебной дисциплины, которая, прежде всего, зависит от того, насколько заинтересованы ученики предметом, — поддержать не умели.

Неудивительно поэтому, что гимназическая учеба и в малой мере не могла увлечь Некрасова. Учился он довольно посредственно. В конце лета

1836-го года Некрасов покинул гимназию, пробыв в ней четыре года.

Распространено мнение, что Некрасов был исключен из гимназии за сатирические стихи, направленные против начальства.

Некрасова, действительно, еще мальчиком влекло к сатире. Однажды он написал сатиру на брата Андрея, который любил франтить:

*...Намазал брови салом
И, сделавшись чудаком.
Набелил лицо крахмалом.
Чистит зубы табаком.*

В гимназии он высмеивал некоторых товарищей. Один из них — Златоустовский — «сильно отдул» Некрасова за следующие стихи:

*Хоть все кричи ты: «Луку, луку!»
Таскай корзинку и кряхти —
Продажи нет, и только руку
Так жмет, что силы нет нести.*

Однако, отсюда еще не следует, что Некрасов был исключен из гимназии за сатирические стихи. Едва ли даже это исключение вообще имело место. Дело обстояло, видимо, гораздо проще: мальчик учился плохо, с учебным начальством отношения испортились из-за неуплаты отцом денег за правоучение;^[3] естественно, что при таких условиях Некрасов-отец вспомнил о своем давнишнем намерении сделать из сына военного и взял его из гимназии, чтобы определить в один из петербургских корпусов.

Сын не протестовал, так как путешествие в Петербург было его заветною мечтой.

В автобиографических заметках поэта имеется следующее признание: «К 15-ти годам (у меня) составила́сь целая тетрадь (стихов), которая сильно подмывала меня ехать в Петербург. Надув отца притворным согласием поступить в Дворянский полк^[4], я туда поехал». В полном соответствии с этим в поэме «Мать» говорится: «Я отроком покинул отчий дом, за славой я в столицу торопился».

И не только за славой!

Чернышевский в «Заметках о Некрасове» указывает, что «его мать

хотела, чтобы он был образованным человеком, и говорила ему, что он должен поступить в университет... Но отец не хотел и слышать об этом... Спорить было бесполезно, мать замолчала. Отец послал Некрасова для поступления в кадетский корпус... Но он ехал с намерением поступить не в кадетский корпус, а в университет...»

Таким образом, расставаясь с гимназией, Некрасов лелеял надежду не только быть «увенчанным лаврами поэта», но и отведать в университетских стенах истинной науки, взамен того суррогата ее, который преподносился ярославским гимназистам.

И писание стихов, и мечты об университете уже указывают на известное умственное развитие. Кому же или чему обязан этим Некрасов? Ведь не гимназическим же своим наставникам?

Из воспоминаний Горошкова видно, что Некрасов-гимназист поражал товарищей своей любовью к чтению («бывало, все сидит и читает»). Книги он доставал и у знакомых и в гимназической библиотеке. В 30-х годах в Ярославской гимназии имелись две библиотеки: «подвижная» и «фундаментальная». Из журналов и газет в фундаментальную библиотеку выписывались «Ученые записки Московского университета», «Педагогический журнал». «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Московские ведомости», «Детский журнал» (Очкина), «Живописное обозрение» (издание московского книгопродавца Августа Семена), «Телескоп», «Московский наблюдатель».

Чем же более всего интересовался будущий поэт при выборе книг для чтения?

Все в той же заметке «О моих стихах» он называет несколько литературных произведений и книг из числа тех, которые произвели на него наибольшее впечатление. Это — «Корсар» Байрона в переработке Олина, ода «Вольность» и «Онегин» Пушкина, а также журналы: «Библиотека для чтения», «Московский телеграф» и «Телескоп». Эти данные проясняют до некоторой степени направление, в каком шло юношеское чтение Некрасова: с одной стороны, он увлекался свободолюбивыми мотивами поэзии Пушкина и Байрона, с другой — зачитывался модными в то время журналами, в которых романтическая струя являлась преобладающей.

В умственном и нравственном развитии будущего поэта чтение сыграло несравненно более значительную роль, чем уроки гимназических преподавателей. В частности, немалое влияние на Некрасова оказали Байрон и особенно ода «Вольность», поселив в его душе критическое отношение к тому государственному порядку, о котором Пушкин имел

основание со скорбью и негодованием сказать:

*Увы! Куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор.
Неволи немощные слезы...*

Чтение книг увеличивало запас сведений в самых разнообразных, иной раз чисто специальных, областях. Эти сведения очень пригодились Некрасову когда он был «захлестнут невскою волной», и в борьбе из-за куска хлеба насущного вынужден был братья за различные виды литературного труда.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ МЫТАРСТВА

*Я отроком покинул отчий дом.
(За славой я в столицу торопился).
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился...*

(Из поэмы «Мать».)

*Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда...
(Из стих. «Праздник жизни»)*

В Петербург Некрасов приехал летом 1838 года. Здесь он встретился с товарищем по гимназии Глушицким и после бесед с ним об университете решил поступить не в Дворянский полк, а в университет, хотя бы ценой ссоры с отцом. И действительно, едва Алексей Сергеевич узнал, что сын готовится в университет, — он не только лишил его материальной поддержки, но и надолго прекратил с ним всякие сношения.

Подготавливали Некрасова ко вступительным экзаменам Глушицкий и его новый знакомый, переводчик Духовной Академии Успенский. Однако Некрасов экзаменов не выдержал и поступил в университет вольнослушателем. Не выдержал потому, что горькая бедность лишила его возможности подготовиться к ним сколько-нибудь серьезно.

В первой посмертной биографии поэта, написанной Скабичевским и печатавшейся при изданиях стихотворений Некрасова вплоть до Октябрьской революции, приводится рассказ самого Николая Алексеевича о злоключениях его в буквальном смысле полуголодной и нищенской жизни в конце 30-х и начале 40-х годов. Рассказ этот начинается словами: «Ровно три года я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным». Поэт подкармливался ломтями хлеба, незаметно взятыми со стола в ресторане на Морской; тяжело болел вследствие хронического недоедания. Его, еще неоправившегося от болезни, хозяин согнал с квартиры за неплатеж денег, и он принужден был ютиться в ночлежках, добывая средства к существованию писанием прошений для бедных.

Петербургские мытарства юноши-Некрасова — засвидетельствованы

многими, лично знавшими поэта, современниками. Об этом в своих «Воспоминаниях» говорят и соредактор Некрасова по «Современнику» И. И. Панаев и его двоюродный брат В. А. Панаев, весной 40-го года наблюдавший нищенское житье-бытье Некрасова. По словам Куликова, тогда режиссера Алексаадринского театра, «Некрасов в сильный мороз являлся к нему как бы весь застывший от холода, без верхнего пальто, без галош, без всяких признаков верхнего белья»...

Еще до Октябрьской революции появились воспоминания артистки Александрийского театра Шуберт, в дом родителей которой заходил иногда Некрасов.

«Мне горько и стыдно вспоминать, — читаем здесь, — что мы с маменькой прозвали его несчастным.

— Кто там пришел? — бывало, спросит маменька. — Несчастный?

И потом обратится к нему:

— Небось, есть хотите?

— Позвольте.

— Амиушка, подай ему что от обеда!

Особенно жалким казался Некрасов в холодное время. Очень бледен, одет плохо, все как-то дрожал и пожимался. Руки у него были голые, белья не было видно, но шею обертывал он красным вязаным шарфом, очень изорванным. Раз я имела нахальство спросить его:

— Вы зачем такой шарф надели?

Он окинул меня сердитым взглядом и резко ответил:

— Этот шарф вязала моя мать...»

Наиболее характерной чертой этого периода в жизни Некрасова была борьба с гнетущей бедностью, борьба за существование в буквальном смысле этого слова. Чтобы не пасть в ней, поэт не брезговал никаким трудом: он давал грошевые уроки, брал переписку, правил корректуры, но больше всего налегал на занятия ремесленно-литературного характера. В предсмертных автобиографических заметках говорится: «уму непостижимо, сколько я работал», а против этих слов слабою и дрожавшею рукою умиравшего поэта вставлено: «Господи, сколько я работал!..» Действительно, Некрасовым в начале 40-х годов были написаны целые горы бумаги. Чего только он ни писал: и стихи, и водевили, и повести, и рассказы, и фельетоны, и рецензии и т. д.! И все это ради куска хлеба насущного.

Замечательная характеристика творчества Некрасова в эти годы содержится в тексте найденного в 1930 году романа Некрасова, — первого его романа, — «Жизнь и похождения Тихона Тросникова»:

*Как тут таланту вырасти,
Как ум тут развернешь,
Когда в нужде и сырости
И в холоде живешь!
Когда нуждой, заботою
Посажен ты за труд
И думаешь, работая:
А что-то мне дадут?*

В 1840 году Некрасов выпустил в свет первый сборник своих стихов под заглавием «Мечты и звуки». Средства на это издание были собраны его участливым приятелем Бенецким. Успеха у читателей сборник не имел и вызвал суровый критический отзыв Белинского. Большинство помещенных в нем стихотворений были подражательными и носили следы неумеренного увлечения автора романтизмом.

Характерно в этом отношении стихотворение «Поэзия». Вот какие слова вложены здесь автором в уста поэзии:

*Я владею чудным даром,
Много власти у меня;
Я взволную грудь пожаром,
Брошу в холод из огня...
Разорву покровы ночи.
Тьму веков разоблачу.
Проникать земные очи
В мир надзвездный научу...
«Кто ж ты, гордая царица?
Тайну смертным обнаружь!
Светлый дух иль чаровница,
Обольстительница душ?..»
Заструилась в небе змейка,
Свет блеснул, исчезла тьма:
«— Я не дух, не чародейка,
Я поэзия сама!..»*

Нет надобности доказывать, что взгляд на поэзию как на «чаровницу, обольстительницу душ», которая дает возможность «земным очам»

проникать в «надзвездный мир», — типично романтический.

Однако влияние эпохи, уже враждебной романтизму, влияние той отчаянной борьбы за существование, которую вел Некрасов и которая изо дня в день сталкивала его с темными и грязными сторонами действительности, привели к крушению его романтического мира созерцания. Крушение это, конечно, совершилось не сразу, а постепенно.

В том же 1840 году, вскоре после появления в свет сборника «Мечты и звуки», — в журнале Федора Кони «Пантеон русского и всех европейских театров» Некрасов печатает стихотворение «Провинциальный подьячий в Петербурге», которое свидетельствовало о начавшемся отходе его от романтизма. В реалистически-сатирических тонах здесь дан образ хитрого и своекорыстного чиновника николаевской эпохи, приехавшего в Петербург для того, чтобы «обнародовать секрет» наживать деньги:

*Грамматику, эстетику
Из мысли я прогнал.
Люблю лишь арифметику,
От ней богат я стал.
Сперва я от деления
Не мало получил:
Начальник отделения
Делить меня учил.
По мере повышения
Мой капитал толстел
И рос — от умножения
Просителей и дел.
Дало плод вычитание.
Как подчиненным я
Не брать дал приказание,
За вычетом себя.
Сложив все в заключение,
Сложенье я узнал,
И вышел от сложения
Изрядный капитал.
Хоть шиворот навыворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот.
Куда б я ни пошел!*

Несколькими месяцами позднее на страницах того же «Пантеона» появились первые произведения Некрасова в прозе — рассказы «Макар Осипович Случайный» и «Без вести пропавший пиита». И в них сказалось несомненное тяготение автора к реалистическим методам творчества, хотя и романтические приемы далеко еще не были изжиты.

С 1841 юга на сцене Александрийского театра стали ставиться водевили Некрасова, в работе над которыми ему на первых порах помогал такой опытный водевилист, каким был Ф. А. Кони. Водевиль «Актёр» имел успех, и имя Н. А. Перепельского (псевдоним Некрасова-водевилиста) приобрело широкую известность, но и в них Некрасов еще не вышел на дорогу самобытного творчества.

Эта дорога была указана ему Белинским.

Если знакомство с Ф. А. Кони и сотрудничество в его журналах — сначала в «Пантеоне», а затем в «Литературной газете», — ввели Некрасова в литературно-журнальные и театрально-артистические круги и позволили ему несколько улучшить свое материальное положение, то подлинным учителем его сужено было стать Белинскому.

ДРУЖБА С БЕЛИНСКИМ

«Моя встреча с Белинским была для меня спасением... Что бы ему пожить подольше! Я бы был не тем человеком, каким теперь!..»

(Из беседы Некрасова с Добролюбовым.)

*Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!.*

(Из поэмы «Медвежья охота»)

В конце 30-х годов из Москвы в Петербург переехал В. Г. Белинский. Он возглавил критический отдел большого журнала «Отечественные списки» и занял в литературе столь видное место, что к его слову прислушивалась вся передовая общественность. Зачитывался статьями Белинского и Некрасов. Правда, своим суровым отзывом о «Мечтах и звуках» Белинский причинил ему большое огорчение. Но, вдумываясь в этот отзыв, Некрасов постепенно пришел к выводу, что Белинский совершенно прав, что в качестве поэта-романтика он, Некрасов, не пойдет дальше перепевов, дальше подражания, что ему, во что бы то ни стало, нужно овладеть новыми творческими методами. По мере того, как это убеждение все более овладевало сознанием Некрасова — горечь от отзыва Белинского смягчалась, и Белинский приобретал все больший и больший авторитет в его глазах.

В 1842 году состоялось личное знакомство Некрасова с Белинским. Вскоре это знакомство перешло в дружбу, Белинский полюбил Некрасова.

За что полюбил?

На этот вопрос отвечает столь близкий к Белинскому и Некрасову И. В. Панаев: «Он полюбил его за его резкий, несколько ожесточенный ум, за те страдания, которые он испытал так рано, добиваясь куска насущного хлеба, и за тот смелый практический взгляд не по летам, который вынес он из своей труженической и страдальческой жизни и которому Белинский всегда мучительно завидовал... Ни в одном из своих приятелей Белинский не находил ни малейшего практического элемента и, преувеличивая его в

Некрасове, он смотрел на него с каким-то особенным уважением...»

Уважение, внушаемое Некрасовым Белинскому, не помешало последнему увидеть его недостатки, из которых едва ли не более других бросалась в глаза скудость полученного им образования. И вот Белинский берет на себя трудную задачу — сделать из Некрасова человека образованного, с широким кругозором.

«Белинский видел во мне, — говорит Некрасов в одном из своих писем, — богато-одаренную натуру, которой недостает развития и образования. Около этого-то держались его беседы со мною, имевшие для меня значение поучений».

Некрасов высоко ценил эти «поучения». Он понимал их значение для своего умственного и нравственного роста. В беседе с Добролюбовым Некрасов, как передает Панаева в своих «Воспоминаниях», говорил о Белинском: «Я с каждым годом все сильнее чувствую, как важна для меня потеря его. Я чаще стал видеть его во сне, и он рисуется перед моими глазами. Ясно припоминаю, как мы с ним, вдвоем, часов до двух ночи беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном настроении, столько для меня было нового в высказанных мыслях. Моя встреча с Белинским была для меня спасением... Что бы ему пожить подольше! Я бы был не тем человеком, каким теперь!»

Белинский внушал Некрасову, что литература никоим образом не должна чуждаться общественной жизни, что писатель, прежде всего, должен уметь воздействовать на общество, а воздействовать на общество он сможет только тогда, когда будет правдиво изображать жизнь, не боясь фиксировать внимание на самых мрачных, самых безотрадных сторонах ее.

Как-то Белинский упрекнул Некрасова в том, что тот без достаточных оснований похвалил одно из произведений современной литературы.

«Нельзя, говорят, ругать все сплошь», — возразил Некрасов.

«Надо ругать все, что нехорошо. Нужна одна правда», — горячо ответил «неистовый Виссарион».

Не только на чисто литературные темы толковал Белинский с Некрасовым.

В начале 40-х годов, Белинский, только что переживший полосу «примирения с действительностью», со всем пылом и страстностью своего великого сердца отдался разрешению общественных проблем. Слезами и кровью написаны тирады Белинского о «гнусной расейской действительности», этом «китайском царстве материальной животной жизни, чинолюбия, крестолубия, деньголюбия, взяточничества, где все

человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетение, страдание, где цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах, где свобода мысли истреблена... где Пушкин жил в нищенстве и погиб жертвой подлости»; тирады о том, что «либерал^[5] и человек — одно и то же, абсолютизм и кнутобой — одно и то же», что «люди должны быть братья и не должны оскорблять друг друга ни даже тенью какого-нибудь внешнего и формального превосходства».

Эти и подобные им мысли Белинского могущественно влияли на Некрасова.

Гуманные чувства, заложенные в его душу матерью, были несколько ослаблены отчаянной борьбой за существование первых лет его петербургской жизни. Теперь же, под влиянием пламенной проповеди Белинского, они возродились с новой силой. Найти объекты для литературного их выражения Некрасову было нетрудно: жизнь дала ему богатый запас наблюдений над миром «униженных и оскорбленных» — как в покосившихся крестьянских избах, так и в сырых полутемных подвалах, заселенных городской беднотой. Естественно, что впечатления последнего времени, т. е. впечатления петербургской жизни, было легче обработать. И вот художественной обработке этих впечатлений Некрасов решает посвятить уже не маленький рассказ или повесть, а большой роман. Этот роман, работе над которым он отдался в 1843 году, был назван: «Жизнь и похождения Тихона Тросникова». Хотя роман не был закончен и не был напечатан при жизни поэта,^[6] однако среди ранних произведений Некрасова он занимает первое место и потому заслуживает особого внимания.

Роман исключительно интересен с автобиографической точки зрения, ибо героя его Некрасов наделил целым рядом своих собственных черт, а многие из походов Тросникова повторяют те или иные эпизоды, относящиеся к «петербургским мытарствам» Некрасова.

С другой стороны, в романе дан ряд характернейших сцен и картин из жизни различных слоев петербургского населения 40-х годов.

Тросников-Некрасов сравнительно редко заглядывает в роскошно убранные квартиры богачей; зато он — свой человек среди представителей литературной и театральной богемы; ему постоянно приходится иметь дело с жадными квартирохозяевами, дебелими кухмистершами, трактирщиками и им подобными мелкими хищниками. Ему случается в порыве искреннего, столь естественного для юноши, увлечения принимать «погибшее, но милое создание» за чистую, недоступную красавицу. Бывают в его жизни и

такие критические периоды, когда, не имея над головой крова, он принужден опускаться на «дно» и там общаться с жалкими и грязными подонками столичного населения, типичными люмпен-пролетариями.

Одну из глав своего романа Некрасов напечатал в 1844 г. на страницах своего альманаха «Физиология Петербурга» в виде отдельного очерка, под заглавием — «Петербургские углы». «Петербургские углы» на много десятилетий предварили те произведения Горького, в которых даны образы, быт, нравы людей, живущих на «дне». Вместе с тем «Петербургские углы» — одно из произведений Некрасова, с особой силой отразившее гоголевскую манеру, гоголевские творческие приемы. Это — художественная декларация литературного направления, известного под именем «натуральной школы». Реакционные критики, вроде Фаддея Булгарина, яростно нападали на «Петербургские углы». Зато это произведение убежденно и горячо защищал Белинский, видевший теперь в Некрасове уже не эпигона романтизма, а одну из талантливых последователей столь высоко ценимого им Гоголя.

В борьбе за идеи и принципы «натуральной школы» Некрасов проявляет себя не только как художник, но и как организатор тех литературных сил, которые готовы были бороться под ее знаменем. В 1844—45 гг. вышли изданные им два тома альманаха «Физиология Петербурга», а в 1846 г. — «Петербургский сборник». В истории русской литературы и общественности эти издания сыграли видную роль: они во многом способствовали утверждению «натуральной школы» с ее критическим отношением к действительности, с ее готовностью изображать самые темные стороны жизни, с воодушевлявшей многих ее представителей верой, что литература поможет перестройке действительности на новых, лучших основах.

К середине 40-х гг. относится очень важный момент в творческом развитии Некрасова. Овладев методами натуральной школы как прозаик, — он стал применять эти методы в стихотворных произведениях. Удача ему сопутствовала, и он создал ряд замечательных стихотворений, которые привели в восторг Белинского и позволили ему увидеть в Некрасове «истинного поэта». В этих стихотворениях мы находим и мрачные картины крепостнического быта, и суровые обличения помещиков-крепостников («Родина», «Псовая охота»), и резко очерченные, сатирически заостренные образы как своекорыстных чиновников («Чиновник», «Колыбельная песня»), так и хищных буржуа-капиталистов («Современная ода», «Секрет»). Образом «хозяев исторической сцены», к которым Некрасов проявляет неизменно отрицательное отношение, поэт противопоставляет

образы «униженных и оскорбленных»: образ крепостной девушки, на свое несчастье получившей образование, а потому особенно остро переживающей свою долю безответной рабы («В дороге»); образ удалого огородника, погубившего себя тем, что он осмелился полюбить «дворянскую дочь» («Огородник»); образы представителей городской бедноты: пьяницы, которого сделала пьяницей горькая бедность («Пьяница»); «падшей женщины», которую крайняя нужда толкнула на путь порока («Когда из мрака заблужденья», «Еду ли ночью..»); бедняка-извозчика, который повесился после того, как упустил случай разбогатеть, а разбогатеть он хотел, чтобы выкупиться на волю и жениться на любимой девушке («Извозчик»).

Эти стихотворения и по тематике, и по направленности, и по языку, не имевшему ничего общего с пресловутым «языком богов», являлись «новым словом» в тогдашней поэзии. Возбуждая с одной стороны ожесточеннейшие нападки, и с другой — пламенные восторги, они способствовали тому, что Некрасов вырос в крупную фигуру на тогдашнем поэтическом горизонте.

Каким оригинальным, своеобразным поэтом нужно было быть, чтобы сформулировать свой взгляд на назначение поэзии так, как сформулировал его Некрасов:

*Вчерашний день, часу в шестом.
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом.
Крестьянку молодую.
Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»*

(«Отрывок», 1848 г.)

Это значило, что Муза поэта чувствует свое кровное родство со страдающим народом (образ истязуемой крестьянской женщины, конечно, символизирует страдания всего народа) и видит свое призвание в том, чтобы безбоязненно изображать эти страдания.

НА ЖУРНАЛЬНОМ ПУТИ

*Тут рассыльный Минай с корректурами...
— А какие ты носишь издания?
— Пропасть их — перечесть мудрено.
Я Записки носил с основания,
С Современником няньчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,
А теперь уж тринадцатый год
Все ношу к Николай Алексеичу —
На Литейной живет.*

(Из стих. «О погоде»)

Основанный в 1836 году А. С. Пушкиным журнал «Современник», после смерти великого поэта, редактировал профессор Петербургского университета П. А. Плетнев. Плетнев не обладал талантом журналиста, поэтому в его руках «Современник» пришел в упадок. Когда Некрасов и Панаев предложили передать им издание и редакцию «Современника», Плетнев охотно согласился. Конечно, не навсегда, а на время: конечно, не бесплатно, а за солидное, ежегодно выплачиваемое вознаграждение. Плетневу передача «Современника» была материально выгодна; Некрасову же и Панаеву она давала возможность создать орган для пропаганды тех идей, которым сии служили. Потребность в таком органе была тем более острой, что в «Отечественных записках» А. А. Краевского писателям независимого, передового образа мыслей становилось все труднее и труднее работать. Краевский был человек довольно-таки беспринципный, а кроме того жадный и прижимистый. Своих сотрудников, а прежде всего и более всего Белинского, он беспощадно эксплуатировал. И вот целая группа сотрудников, во главе с Белинским, Некрасовым и Панаевым, покидает «Отечественные записки». «Современник» дал им возможность, порвав с Краевским, не прекращать своей журнальной работы.

Некрасов оказался организатором на редкость энергичным и предприимчивым. Для издания нового ^[7] журнала нужны были немалые средства — Некрасову удалось эти средства раздобыть. Для укрепления журнала нужно было наладить отношения с цензурой, — Некрасов сумел и этого добиться, заручившись участием в редакции журнала профессора и

цензора А. В. Никитенко. Для успеха журнала нужны были талантливые сотрудники, — Некрасов объединил вокруг «Современника» лучших писателей своего времени. В «Современнике» первых лет его издания сотрудничали и поместили в тем ряд выдающихся произведений Белинский, Герцен, Гончаров, Григорович, Достоевский, Тургенев и многие другие. Белинский не только возглавлял критический отдел «Современника», но и являлся истинным вдохновителем журнала.

«Современник», на страницах которого в 1847 году были напечатаны такие выдающиеся произведения, как «Обыкновенная история» Гончарова, «Кто виноват» Герцена, первые из рассказов цикла «Записок охотника» Тургенева, «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинского — завоевал себе широкую популярность, среди демократически настроенных читателей.

Однако на втором году издания положение журнала резко изменилось к худшему.

В мае 1848 года скончался Белинский. Смерть его совпала с началом одного из наиболее реакционных периодов в истории русской общественности. Напуганное революцией во Франции, правительство Николая I повело ожесточенную борьбу с прогрессивными течениями русской мысли. Передовая литература и журналистика были взяты под подозрение. Над «Современником» нависла угроза закрытия. Цензура свирепствовала, запрещая целыми десятками предназначенные для помещения в журнале статьи. Редакторам «Современника» постоянно приходилось «давать объяснения» не только в Цензурном комитете, но и в «Третьем отделении собственной его императорского величества канцелярии». Один из своих «вызовов» к грозному шефу жандармов Некрасов впоследствии описал в стихотворении «Недавнее время»:

*Получив роковую повестку.
Сбрил усы^[8] и пошел я туда.
Сняв с седой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Князь Орлов прочитал мне бумагу...^[9]
Я в ответ заикнулся сказать:
— Если б даже имел я отвагу
Столько дерзких вещей написать,
То цензура... — «К чему оправданья?
Император помиловал вас,
Но смотрите!! Какого вы звания?»*

— *Дворянин.* — «Пробежал я сейчас
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вам ваше дворянство?..
Завираетесь вы, господа!
За опасное дело беретесь!
Бросьте! бросьте!.. Ну, бог вас прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти...»

Описанный здесь эпизод кончился, повидимому, сравнительно благополучно. В других случаях николаевские жандармы расправлялись с писателями прямо-таки беспощадно. Жестоко пострадал молодой М. Е. Салтыков за свою повесть «Запутанное дело», еще более тяжелое наказание понесли Достоевский, Плещеев и целый ряд других литераторов за участие в кружке Петрашевского.

Некрасов стремился во что бы то ни стало спасти «Современник» от запрещения и прилагал все усилия, чтобы ослабить цензурный гнет. Споры нет, — иной раз ему приходилось идти на компромиссы, но ведь другого пути у него не было. Под все более и более усиливавшимся давлением цензуры «Современник» в известной мере тускнел, обесцвечивался, но все же оставался лучшим журналом эпохи.

Цензурный террор конца 40-х и начала 50-х гг. сказался и на творчестве Некрасова: ему волей-неволей приходилось избегать острых в политическом и социальном отношении тем и сюжетов и чаще, чем когда-либо, писать любовно-лирические стихотворения. В стихотворениях «Поражена потерей невозвратной», «Я не люблю иронии твоей», «Так это шутка?..» и др. Некрасов изливал чувства, рожденные в его душе любовью к Авдотье Яковлевне Панаевой.

Юношеское увлечение Некрасова этой красивой и умной женщиной вскоре переросло во взаимную горячую привязанность, длившуюся более пятнадцати лет. Отношения поэта к Панаевой нельзя, конечно, рассматривать как легкую связь. Это был гражданский брак в полном смысле слова. Авдотья Яковлевна была для Николая Алексеевича не просто подругой, не просто даже женой, а женой-товарищем. Панаева разделяла литературные интересы Некрасова, она участвовала в «Современнике», в ее гостеприимной квартире собирались сотрудники журнала. Панаева была соавтором Некрасова в создании двух больших, появившихся на страницах

«Современника», романов: «Три страны света» и «Мертвое озеро».

Более или менее установлено, что Некрасов и Панаева (ее литературный псевдоним — Н. Станицкий) были вынуждены взяться за сочинение этих романов под влиянием крайней необходимости: цензура запретила столько предназначенного к помещению в «Современнике» материала, что в журнале буквально нечего было печатать. Некрасов и Панаева имели в виду своими романами заполнить цензурные бреши.

Роман «Три страны света» представляет большой и несомненный интерес. В нем проповедуется трезвое, реалистическое отношение к жизни. Счастье дается только тому, кто умеет работать, кто способен бороться с препятствиями. Деньги много значат в жизни, и человек, который наживает их честным трудом, заслуживает полного уважения. Одним словом, авторы «Трех стран света» близки по своим идейным позициям Гончарову, первый роман которого («Обыкновенная история») незадолго до этого был напечатан в «Современнике». Подобно Гончарову, они склонны высоко ценить буржуазную деловитость, противопоставляя ее дворянскому ничегонеделанию. Одна из лучших глав романа, несомненно принадлежащая Некрасову, изображает это дворянское ничегонеделание. Она называется «Деревенская скука» и впоследствии была переработана Некрасовым в небольшую пьесу, которая является, пожалуй, лучшим его драматическим произведением.

Однако роман «Три страны света» существенно отличается от романа Гончарова: ему присуща ярко выраженная демократическая направленность, которая отсутствует в «Обыкновенной истории».

Герой романа Каютин, на основании опыта, приобретенного во время своих длительных, заполненных трудом и лишениями странствий, пришел к очень высокой оценке «русского крестьянина». Каютин заявляет: «Труден доступ к его сердцу. Он суров, неразговорчив, неохотно обнаруживает свое чувство, глубоко запрячивает в душу тяжелую кручину... Сердце его открывается не всякому и не вдруг... Будь прост и добр, а главное — будь искренен, спрячь подальше чувство собственного превосходства, умей отстранить все порывы неизбежной надменности, которая невольно пробивается в подобных отношениях, да еще не показывай, что ты стараешься под него подладиться, и тогда только можешь ждать его искренности. И тогда увидишь ты, что в нем есть душа, чувство, энергия и что, главное, в нем много иронии, проницательной и меткой... Ни в ком, кроме русского крестьянина, не встречал я такой удали и находчивости, такой отважности, при совершенном отсутствии хвастовства... Я много люблю русского крестьянина, потому что хорошо его знаю. И кто, подобно

многим нашим юношам, после обычной «жажды дел», впал в апатию, сидит сложа руки, кого тревожат скептические мысли, безотрадные и безысходные, тому советую я, подобно мне, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать среди всяких людей, посмотреть всяких див... В столкновении с народом он увидит, что много жизни, здоровых и свежих сил в нашем милом и дорогом отечестве, увидит, что всё вдет вперед... Увидит и устыдится своего бездействия, своего скептицизма, и сам, как русский человек разохотится, расходится: откинет лень и положит посильный труд в сокровищницу развития, славы и процветания русского народа...»

В этих замечательных словах нашли яркое выражение демократизм и патриотизм Некрасова, которым он никогда не изменял и в последующем своем творчестве.

Много слабее второй роман Некрасова и Панаевой «Мертвое озеро»; впрочем, есть основания думать, что доля участия Некрасова в его сочинении была очень невелика...

Невыносимо тяжелая атмосфера, царившая в русской жизни в 1848 и в последующие годы, повлекла за собой некоторую общественную деморализацию. Даже культурные и прогрессивно настроенные люди, в том числе и недавние участники кружка Белинского (в котором с таким увлечением беседовали и спорили и на социально-политические и на литературно-эстетические темы), испытывая мучительную потребность в забвении, — искали его в вине в картах, в любовных похождениях.

Некрасова эта общественная деморализация коснулась только отчасти: редактор-издатель большого, журнала, к тому же журнала, вечно находившегося под угрозой цензурных репрессий, — он должен был очень много и очень напряженно работать. Трудовой образ жизни в известной мере предохранил его от пустого и суетного времяпрепровождения. В известной мере, но не вполне. В годы реакции, поддаваясь наследственным предрасположениям, Некрасов приобрел привычку к барскому обиходу, пристрастился к картам и стал завсегдатаем Английского клуба, где процветала карточная игра.

Впрочем, говоря об увлечении картами, как об отрицательной стороне личной жизни Некрасова, — не следует забывать, что свои выигрыши он нередко тратил в интересах журнала и его сотрудников. В годы реакции подписка на «Современник» упала, журнал был «в долгу — как в шелку». Если бы Некрасов время от времени не пополнял его кассу из выигранных в карты денег, журналу было бы трудно просуществовать. Выигрыши позволяли Некрасову оказывать широкую денежную помощь нуждавшимся

сотрудникам журнала. Наконец в Английском клубе он знакомился с влиятельными людьми — представителями аристократических и сановных кругов, — к заступничеству которых иной раз прибегал, когда цензура чересчур начинала теснить «Современник».

ПОЭТ-ГРАЖДАНИН

*Будь гражданин! служи искусству
Для блага ближнего живи...*

.....

*Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан...*

(Из стих. «Поэт и гражданин».)

Начиная с 1854 года, «Современник» явным образом стал оживать. Здесь, прежде всего, сказалась тогдашняя политическая обстановка. Война с Турцией, переросшая в войну с «морскими державами» (Францией и Англией), держала общественную мысль в состоянии чрезвычайного возбуждения и, как ни усердствовала цезура, это возбуждение не могло не сказаться на литературно-журнальном фронте.

Вернувшийся из ссылки Тургенев, постоянный сотрудник «Современника» и близкий приятель Некрасова, поместил в «Современнике» повести «Два приятеля» и «Затишье» и знаменитый рассказ «Муму»; Л. Н. Толстой, начавший свое сотрудничество в «Современнике» еще в 1852 году повестью «История моего детства», теперь дал журналу продолжение этой повести — «Отрочество».

В том же 1854 году вошел в число сотрудников «Современника» Н. Г. Чернышевский — писатель, которому суждено было стать достойным преемником Белинского.

С первого же знакомства с Чернышевским Некрасов почувствовал, что этот молодой, покамест еще ничем не проявивший себя гимназический учитель, — человек исключительного ума, огромных и разносторонних познаний, твердых и непоколебимых демократических убеждений. Некрасов, умевший быть решительным тогда, когда обстоятельства и польза дела этого требовали, не побоялся предложить Чернышевскому руководящую роль в «Современнике» и вскоре убедился, что лучшего выбора он не мог сделать.

В качестве руководящего сотрудника журнала по критико-библиографическому отделу Чернышевский поставил этот отдел на такую же высоту, на которой он стоял при Белинском. Мало того, Чернышевскому в скором времени удалось сделать «Современник» органом

демократической, а несколько позже — органом революционно-демократической мысли. Некрасов, вполне, сочувствуя характеру и направлению деятельности Чернышевского, оказывал ему полную поддержку. В тех случаях, когда статьи Чернышевского вызывали неудовольствие старых сотрудников журнала, из которых большинство придерживалось умеренно либеральных взглядов, Некрасов становился на сторону Чернышевского. Предпринимаемые этими сотрудниками попытки добиться замены Чернышевского на посту главного критика журнала то А. В. Дружининым, то А. А. Григорьевым ни к чему не приводили: Некрасов упорно держался за Чернышевского. Отношения его с Николаем Гавриловичем вскоре перешли в дружбу, в основе которой лежали не только тесный деловой контакт, но и идейное единомыслие.

О том, насколько идейно близкими были уже в это время Некрасов и Чернышевский, — можно судить по стихотворениям Некрасова середины 50-х годов.

В 1853–1854 гг. Некрасов, как поэт, возвращается к социально-острым темам («В деревне», «Филантроп», «Отрывки из путевых записок графа Гарачского», «Несжатая полоса»), а в 1855—56 гг. его творчество приобретает еще более яркую демократическую направленность (поэмы «Бачинский» «Сайга», стихотворения «Забытая деревня», «Школьник», «Поэт и гражданин» и др.).

Около этого времени Некрасов почувствовал необходимость подвести итог своей поэтической работе. В конце октября 1856 года он выпускает в Москве отдельным изданием сборник своих стихотворений под заглавием «Стихотворения Некрасова». Сборник этот имел поистине потрясающий успех. Чернышевский, сообщив Некрасову, что полученные в Петербурге 500 экземпляров разошлись в два дня, в своем письме говорит о «всеобщем восторге» и добавляет: «Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли «Ревизор» или «Мертвые души» имели такой успех». О том же пишет и В. П. Боткин в письме к Тургеневу: «Не было примера со времени Пушкина, чтобы книжка стихотворений так сильно покупалась», а Тургенев в свою очередь утверждает: «что ни толкуй его (т. е. Некрасова) противники, а популярнее его нет теперь у нас писателя» (письмо к М. Н. Лонгинову).

В произведениях, вошедших в этот сборник, уже явственно наметились основные черты поэтического облика Некрасова. Сам автор позаботился о том, чтобы они сразу стали ясны читателям. С этой целью в начале книги, в виде декларативного введения, он поместил свое знаменитое стихотворение «Поэт и гражданин», а остальные стихотворения распределил по четырем тематически объединенным

разделам, не придерживаясь хронологической последовательности.

Первый отдел посвящен тому, кого Некрасов с детских лет привык любить, — народу, главным образом крестьянству.

В образе Саввушки («В деревне») воплощены неизбывная физическая мощь и удаль русского народа, его трудолюбие и сердечная доброта. Вот как характеризует Саввушку, погибшего на охоте в борьбе с медведем, его мать:

— *Ведь наскочил же на экую гадину!*
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплошал!
Росту большого, рука что железная.
Грудь, что плавлёная медь.
Умер, Касьяновна, умер, болезная —
Да околел и медведь!

.....

— *Кто приголубит старуху безродную?*
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка —
Даром ружье пропадет!..

Образ Власа («Влас») говорит о том, что нет такой искупительной жертвы, на которую был бы неспособен русский человек из народа, после того как понял, что стяжательство, стремление к наживе довело его до нравственного падения. Кулак в недавнем прошлом, Влас не только «роздал имение», не только «остался бос и гол», но свою последующую жизнь посвятил самоотверженному служению высокому, с его точки зрения, идеалу («построению храма божьего»).

Русский народ талантлив, в нем таятся могучие силы. Упорным и настойчивым трудом пробивает он дорогу к знанию, культуре. Из его недр выходят «славные, добрые, благородные». Высокого лиризма полны слова поэта-народолюбца, обращенные к родине в стихотворении «Школьник»:

*Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь.
Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай, —
Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!*

Второй отдел включает стихи о тех, кого Некрасов ненавидел: о помещиках-крепостниках, чиновниках-взяточниках и казнокрадах, алчных и корыстолюбивых буржуа-капиталистах, бездушных светских франтах, — одним словом всех тех, кого считал угнетателями и эксплуататорами народа.

Вот помещик, герой «Псовой охоты». Во главе целой оравы псарей он с легким сердцем вытаптывает крестьянские нивы и арапником «вразумляет» пытающихся протестовать крестьян.

Вот другой помещик, именующий себя «нравственным человеком», но в действительности проявляющий крайнюю степень бессердечия в отношении своих крепостных:

*Крестьянина я отдал в повара:
Он удался: хороший повар — счастье,
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любит читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать.
Отечески посек его, каналью,
Он взял да утонулся; дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.*

Внушают омерзение и образы чиновников, толкующих о своей «благонамеренности», но способных на самые бесчестные и подлые поступки. «Подлец душой» — вот какие клеймящие слова бросает Некрасов по адресу одного из них в стихотворении «Колыбельная песня».

В третьем отделе — поэма «Саша». Ее героиня — один из наиболее замечательных образов русской девушки.

Прежде всего, на редкость привлекательна наружность Саши:

*Дико росла, как цветок полевой.
Смуглая Саша в деревне степной...*

*Бегают живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный, смеющийся глаз.*

*Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы...*

Ве менее привлекателен и ее духовный облик:

*Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей...*

*Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!*

*Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит.*

*А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!*

*Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги...*

Саша — истинный друг народа. И как жалок, по сравнению с ней, герой поэмы — Агарин. Это — помещик-интеллигент. Ему присущи благие порывы, но он решительно неспособен к труду и борьбе:

*Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,
Благо, наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов..*

Агарин — человек, часто меняющий свои убеждения-

*Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет*

Саша благодарна Агарину за то, что он ввел ее в круг умственных запросов и общественных интересов: она даже готова полюбить его, но как только разобщалась в нем получше, как только — увидела, что он принадлежит к людям, у которых слово расходится с делом, — она нашла в себе силы порвать с ним.

Образ Саши, это — еще только абрис «новой женщины», женщины-борца, женщины-гражданки, но и он имел большое воспитательное значение. Известная революционная деятельница 70-х гг. Вера Николаевна Фигнер писала о некрасовской «Саше»: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма: требовать этого согласования от себя и других — учила она. И это стало девизом моей жизни».

Все вместе взятое, в сочетании с изумительными, поистине классическими, описаниями природы (например, картина вырубленного леса), с проникновенными лирическими отступлениями, делают поэму «Саша» одним из лучших произведений Некрасова.

Наконец, *четвертый отдел* составляют лирические стихотворения. В одних Некрасов говорит о своем поэтическом предназначении («Муза», «Блажен незлобивый поэт», «Замолкни, муза мести и печали»), в других отдается воспоминаниям о детстве («Старые хоромы», «В неведомой глуши»), о петербургских мытарствах («Еду ли ночью по улице темной»), об отошедшем друге («Памяти приятеля»). Много стихотворений принадлежит к разряду любовно-лирических.

В сборнике 1856 года совершенно отчетливо наметились те четыре темы, которые до конца дней оставались основными темами Некрасова-поэта: *народ, враги народа, друзья народа, личность поэта*.

Если последняя тема развивается в чисто лирическом плане, то первые три, в большинстве случаев, — в плане лирико-эпическом.

Элементы лиризма усиливали эмоциональную выразительность стихотворений Некрасова, и это не мало способствовало успеху сборника. Никто ведь из современных Некрасову поэтов не говорил о народе, об его врагах и друзьях с такой подкупающей искренностью, никто не проявлял

такого страстного интереса к гражданским темам. А между тем эти именно темы властно выдвигались жизнью, той социально-политической обстановкой, которая сложилась в России по окончании Крымской войны.

Однако ни лирический строй некрасовских стихов, ни актуальность их тематики не могли бы обусловить столь исключительного их успеха, если бы широкие читательские круги не почувствовали в Некрасове одного из талантливейших и своеобразнейших художников слова. В его стихах *«проза нашей жизни, настоящая, серая, грешная, преступная и полная страданий «проза» впервые претворилась в поэзию... Некрасов был новатор — несомненный революционер на Парнасе. Дороги ему никто не ровнял, и в тайге ему самому приходилось прокладывать просеку. Материал, над которым он стал работать, поступил в его мастерскую впервые в отделку, и надо было для нового, подчас очень грубого, камня изобретать новые приемы обработки, чтобы дикая глыба преобразилась в изваяние. Пи один ваятель над таким камнем до Некрасова не работал. Его предшественники — те признавали один только мрамор и в обработке его достигли высокого совершенства. Достигал совершенства и Некрасов, но новизна материала и новизна приемов обращения с ним естественно увеличивали вероятность неудач при всех, даже больших, достижениях»* (акад. П. А. Котляревский).

«Неудач», на которые указывает здесь Н. А. Котляревский, у Некрасова было не так уж много. Взятую на себя задачу он разрешил более чем успешно: демократизируя тематику своих произведений, он сумел демократизировать и их форму. Демократизировать же форму, — это значило создать новый стиль, доступный для восприятия более широких читательских кругов.

Заслуженный успех сборника 1856 года доставил Некрасову большое нравственное удовлетворение. Поэт убедился, что перед ним открыты не только большие творческие возможности, но и возможность сильного и непосредственного воздействия на общество. Однако, наряду с этим, в связи с изданием сборника Некрасову пришлось испытать и ряд чрезвычайно тягостных переживаний.

Сборник вышел в свет в отсутствие Некрасова. Еще в августе 1856 года поэт уехал за границу лечиться. Осенние месяцы он проводил в Риме, где напряженно работал над поэмой «Несчастные». Замещавший его на посту редактора «Современника» Чернышевский в ноябрьском номере журнала поспешил перепечатать из только что вышедшего сборника стихотворения «Поэт и гражданин», «Забытая деревня» и «Отрывки из записок графа Гаранского». Перепечатка эта имела роковые последствия.

«На стихи Некрасова, — писал Герцен в «Колоколе», — пошли жаловаться воры и укрыватели воров большой руки, аристократическая сволочь нашла в книжке какие-то революционные возгласы, чуть не призыв к оружию. Русское правительство, извольте видеть, боится стихов:

*Иди в огонь за честь отчизны,
За убеждение, за любовь.
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.*

Это сочли чуть не адской машиной и снова дали волю цензурной орде с ее баскаками».

«Цензурная орда», возглавляемая министром народного просвещения А. С. Норовым, на этот раз превзошла самое себя: были запрещены не только переиздания книги Некрасова, но и всякие из нее перепечатки; издателю «Современника», И. И. Панаеву, было объявлено, что «*первая подобная выходка подвергнет его журнал север шейному прекращению*»; склонный к либерализму цензор Бекетов, пропустивший книгу, получил «строжайший выговор» и был отставлен от цензирования «Современника».

Некрасов очень остро переживал внезапно налетевшую на него цензурную прозу: потрясенный ею, сознавая, что она может иметь чрезвычайно неблагоприятные последствия и для журнала и для него лично, он не в силах был продолжать работу над поэмой «Несчастные», — «скомкал» ее, не сделав и «половины того, что думал...»

Однако и в «скомканном» виде эта поэма представляла собой незаурядное явление. Изображая в ней каторжников («несчастливыми» народ называет каторжников), Некрасов выделяет среди них некоего Крота. Крот — не уголовный, а, по терминологии того времени, «политический преступник»: он попал на каторгу за свою революционную деятельность. Крот, как и всякий истинный революционер, является пламенным патриотом своей родины.

*Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладал он тайной слова,
Доступного душе живой.
Не на коне, не за сохою, —*

Провел он свой недолгий век
В труде ученья, но душою.
Как мы, был русский человек
Он не жалел, что мы не немцы.
Он говорил: «во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди.
Что есть грядущее у ней».

.....

Его пленяло солнце юга —
Там море ласково шумит.
Но слаще северная вьюга
И больше сердцу говорит.
При слове: «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет..
То жребий ей пророчил славный.
То старину припоминал,
Кто в древни веки ею правил,
Как люди в ней жили встарь.
Как обучил, вознес, прославил
Ее тот мудрый государь,
Кому в царях никто не равен.
Кто до скончанья мира славен
И свят: Великого Петра
Он звал отцом России новой,
Он видел след руки Петровой
В основе каждого добра...

Страдая от сознания, что «спит народ под тяжким игом, боится пуль, не внемлит книгам», — Крот не сомневается, что рано или поздно «Русь проснется». Когда он умирал, ему чудились картины победоносной революции:

*Мечтаньем чудным окрылил
Его Господь перед кончиной,
И он под небо воспарил
В красе и легкости орлиной.
Кричал он радостно: «вперед!
И горд, и ясен, и доволен:
Ему мерещился народ
И звон московских колоколен;
Восторгом взор его сиял.
На площади, среди народа.
Ему казалось, он стоял
И говорил....*

В литературе существуют различные мнения и догадки о том, чертами какого исторического лица наделен Крот: одни склонны считать прототипом Крота — Белинского, другие — Достоевского.

Однако не в этом суть. Важно другое: создавая этот образ, Некрасов совершенно ясно видел, что революционная деятельность, в условиях царской России, диктуется, прежде всего; побуждениями патриотического порядка; эта мысль выражена в поэме с предельной ясностью».

Вслед за «Несчастливыми» Некрасов написал поэму «Тишина». Безграничная любовь к родине пронизывает все ее содержание:

*Все рожь кругом, как степь живая.
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем.
Под небом ярче твоего.
Искал я примиренья с горем
И не нашел я ничего!.*

.....

*Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал.
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!*

Полны патриотической гордости те строфы «Тишины», в которых Некрасов рисует один из самых героических эпизодов русской военной истории — оборону Севастополя в 1854–1855 гг., этой, как выражается поэт, «твердыни, избранной славой»:

*Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили.
Изрешетили каждый дом,
И, вместо камня, намостили
Ее свинцом и чугуном...*

Истинным героем войны с «тремя царствами» и самой обороны Севастополя Некрасов считает народ:

*Народ герой! В борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновой
Победоносного венца!*

В ГОДЫ «ОСВОБОЖДЕНИЯ» КРЕСТЬЯН

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России. Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу.

(В. И. Ленин. Пятидесятилетие издания крепостного права»)

Вернувшись в Россию, Некрасов увидел, что за время его отсутствия, — продолжавшегося целый, год, — в стране произошли значительные изменения. Окончательно выяснилось, что правительство Александра II, под влиянием неудачного исхода Крымской кампании, вынуждено вступить на путь буржуазных реформ, что старые, «николаевские» порядки отжили свое время. Общественная жизнь волновалась и бурлила. Страстные споры велись между сторонниками реформ, прежде всего сторонниками упразднения крепостного права, и их противниками — крепостниками. Чувствовалось приближение каких-то перемен в русской жизни. «Шестидесятые годы»^[10] властно вступали в свои права. Впоследствии Некрасов характеризовал эту эпоху в стихотворении «Недавнее время».

*Благодатное время надежд!
Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд.
Ты обетов своих не сдержало.
Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
(Разуметь надо: Русь городская)
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает*

*И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,
В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винулась,
И казалось нам в первые дни:
Повториться не могут они...*

Почему же эпоха 60-х гг. «обетов своих не сдержала», как выразился поэт? Потому, что правительство и правящие классы совсем и не думали о коренном обновлении русской жизни. Это стало очевидным, как только от общих деклараций о предстоящих реформах перешли к их практическому осуществлению. Особенно показателен в этом отношении пример «крестьянской реформы».

Крепостники неохотно соглашались даже на предоставление крестьянам личной свободы и прямо-таки слышать не хотели о наделении крестьян землею, объявленной «священной собственностью» помещиков. Правительство, однако, не решалось во всем следовать требованиям крепостников понимая, что освобождение крестьян без земли вызовет массовое крестьянское восстание, и в конце концов склонилось к тому, чтобы наделить крестьян небольшим количеством земли, за которую они должны были заплатить огромный, намного превышавший действительную стоимость земли, выкуп. Этот правительственный проект вырабатывался при деятельном участии либерально настроенных представителей дворянской интеллигенции и горячо поддерживался ими.

Демократическая группа сотрудников «Современника», во главе с Некрасовым, Чернышевским и Добролюбовым (который с осени 1857 года стал постоянным сотрудником «Современника»), резко выступала против этого проекта. Выражая мнение и защищая интересы миллионных крестьянских масс, «мужицкие демократы» (выражение В. И. Ленина) из «Современника» твердо стояли на том, что крестьяне должны при освобождении получить, — и притом без выкупа или же за малый выкуп, — такое количество земли, которое упрочило бы их материальное благосостояние.

Борьба демократической группы сотрудников «Современника» против крепостников и либералов очень скоро приняла крайне напряженный характер и неизбежно должна была вызвать недовольство тех умеренно-

либеральных сотрудников журнала, которые группировались вокруг Тургенева. Недовольство вскоре стало настолько острым, что Некрасову пришлось выбирать, с кем идти: с Чернышевским и Добролюбовым или же с Тургеневым и его друзьями. Выбор был нелегким, ибо с Тургеневым Некрасов был связан долгими годами приятельских отношений и дорожил им как крупным художником слова, чьи произведения уже столько лет, из года в год, служили украшением «Современника». Трудно было Некрасову примириться с отходом от «Современника» и другого писателя, перед талантом которого он преклонялся и которому предрекал громкую славу, — Л. П. Толстого, также относившегося отрицательно к Чернышевскому и Добролюбову.

Но когда решение вопроса: с кем идти? — стало неизбежным, Некрасов не колебался стать на сторону Чернышевского и Добролюбова. Поступив так, он исходил не только из высокой оценки Чернышевского и Добролюбова как писателей, не только из сознания, насколько полезны они были «Современнику» в роли основных сотрудников журнала, но и из убеждения, что их общественная позиция и наиболее правильна по существу и наиболее близка его собственной позиции. Чернышевский и Добролюбов были дороги Некрасову, как единомышленники, как борцы, сражающиеся рука об руку с ним по одну и ту же сторону баррикады.

Кроме того, в Чернышевском и Добролюбове Некрасов нашел искренних друзей, в глазах которых частные недостатки его характера никогда не заслоняли достоинств его личности, тем более не заслоняли его общественных заслуг — как выдающегося журналиста-организатора, как наиболее яркого представителя демократических тенденций в художественной литературе. О том, насколько дружественно были расположены к Некрасову Чернышевский и Добролюбов свидетельствуют следующие факты.

Незадолго до смерти, подводя итог своим отношениям с Некрасовым, Чернышевский писал: «Некрасов — мой благодетель. Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать так, как я писал. Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее, но все мои заслуги перед нею — его заслуги. Сравнительно с тем, что я ему обязан честью быть предметом любви многочисленной и лучшей части образованного русского общества, маловажно то, что он делился со мною последней сотней рублей, он долго был беден, и «Современник» не имел денег. Сколько я перебрал у него, неизвестно мне. Мы не вели счет, я приходил, он вынимал бумажник и раздумывал, сколько необходимо ему оставить у

себя, остальное отдавал мне».

Не менее близки были Некрасов и Добролюбов. С самого начала их знакомства — поэт обнаруживал трогательную, чисто отцовскую заботливость о молодом критике. По его настоянию были предприняты, например, поиски квартиры для Добролюбова (Некрасов пришел в ужас от сырости занимаемого им помещения). Когда поиски эти окончились неудачей, Некрасов поселил Добролюбова в двух комнатах, прилегавших к его собственной квартире^[11]. Не менее ярко проявилось доброе отношение Некрасова к Добролюбову во время болезни последнего.

Добролюбов, в свою очередь, платил Некрасову искреннюю и глубокою приязнью. Вот несколько строк из письма его к Чернышевскому:

«А письмо его (Некрасова к Добролюбову) недоброе (уведомляло о болезни, о предчувствии смерти).. Не дай бог никому получать такие записочки за границей от близких людей. Успокаивает меня только то, что вы ничего не говорите об его болезни. Но пожалуйста, напишите мне в Одессу, что он и как. Ведь кроме вас да его, у меня нет теперь в Петербурге никого. В некоторых отношениях он даже ближе ко мне».

Спаянная общностью убеждений, скрепленная совместной работой, требовавшей постоянного личного контакта, дружба Некрасова с Чернышевским и Добролюбовым, в конечном результате, являлась не только моментом, характеризующим их личные отношения, но и крупным фактором общественного порядка. «Триумвират» из трех Николаев, — *Николая* Некрасова, *Николая* Чернышевского и *Николая* Добролюбова, руководя журналом такого значения, какое имел «Современник», честно послужил делу русского прогресса, делу политического и социального раскрепощения масс. Триумвират же этот мог создаться и создан, прежде всего, потому, что этого хотел Некрасов.

Чернышевский и Добролюбов, само собой разумеется, не были единственными «мужицкими демократами», работавшими в «Современнике». Обладая поразительным умением угадывать в начинающих писателях истинные таланты, Некрасов привлек к участию в «Современнике» и таких замечательных писателей-демократов, как Н. Г. Помяловский, В. А. Слепцов, Н. В. Успенский и др. Из писателей старшего поколения в «Современнике» 60-х гг. продолжали работать А. Н. Островский и М. Е. Салтыков-Щедрин. В 60-ые годы в «Современнике» напечатал ряд наиболее замечательных своих произведений и сам Некрасов.

ПЕВЕЦ НАРОДА

*Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»,
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! Не стареет она.*

.....

*Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди!*

(Из стих. «Элегия»)

Если в сборнике 1856 года только стихотворения первого отдела — а их было не так уж много, — изображали народную жизнь и народные типы, то теперь эта тема становится ос. но®ной темой большинства произведений Некрасова, и в художественной разработке ее Некрасов достигает небывалой силы.

«Размышления у парадного подъезда»! «Железная дорога»! Ни один из русских поэтов не изображал такими потрясающими чертами народных страданий. Никогда еще под впечатлением образов художественной литературы читатели не проникались чувствами такой великой любви и такой острой ненависти: любви к угнетенному народу, ненавистью к его угнетателям.

*Укажи мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель.
Где бы русский мужик не стонал?..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля.
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...*

Кого не волновали, и не волнуют до глубины души эти строки?

*В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.....*

.....

*Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные.
Гроб обрели здесь себе...
Прямо дороженька: насыпи узкие.
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их? Ваничка,
знаешь ли ты?..*

Исключительная сила художественного воздействия этих стихотворений коренится в том, что Некрасов, создавая их, отправлялся от виденного и слышанного, т. е. от непосредственных впечатлений жизни. Так, в «Размышлениях» изображается сцена у парадного подъезда, разыгравшаяся на глазах поэта («Раз я видел, сюда мужики подошли, деревенские русские люди..»). «Железная дорога» начинается с «пересказа» слышанного автором в вагоне разговора о строителях дороги.

Однако Некрасов не ограничивается изображением только непосредственно виденного и слышанного. Его творчеству были чужды чисто «натуралистические» тенденции. Как художник-реалист, стремящийся не только к воспроизведению действительности, но и к ее объяснению, — он создает ряд образов и картин, имеющих характер исключительно широких социальных обобщений. В «Размышлениях» поэт заставляет услышать стон всего народа, и это до слез волнует читателя. Надрывающая душу песня землекопов, умерших при постройке железной дороги, опять-таки воспринимается, как стон всего народа. В «высокорослом, больном белоруссе» дан не столько индивидуальный образ, сколько образ, воплотивший в себе страдания всего народа:

*Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;*

*Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня,
внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!
Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит.
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит...*

И в том и в другом стихотворениях Некрасов немало внимания уделяет виновникам народных страданий. В «Размышлениях» — это вельможа-аристократ, «владелец роскошных палат», в «Железной дороге» — буржуа-капиталист, «подрядчик». Это люди — «проклятые отчизною».

О силе воздействия этих и подобных им стихов Некрасова на читателей можно судить по следующим словам Г. В. Плеханова: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение. Мы спрятали книги и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильным впечатлением только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский парод».

Если раньше Некрасов ориентировался преимущественно на городскую демократическую интеллигенцию, то теперь он уже кровно заинтересован в том, чтобы стихи его проникли в деревню и были не только стихами о народе, но и стихами для народа. Для этого он вступает на тот путь, по которому шли до него Крылов в баснях, Пушкин в сказках — на путь широкого использования народного языка и народно-поэтического творчества (фольклора).

Этот путь обогатил поэзию Некрасова ценнейшими достижениями, дал ему возможность создать такие шедевры, как «Крестьянские дети». «Коробейники», «Зеленый шум», «Орина, мать солдатская», наконец «Мороз Красный Нос». Этот путь сделал его стихи доступными (пусть не сразу, а с течением времени) широчайшим народным массам, и тем самым навсегда упрочил за ним имя подлинно народного поэта.

В свое время В. П. Боткин втолковывал Некрасову: «Брось воспевать

любовь ямщиков, огородников и всю эту деревенщину...» Некрасов отверг эти советы. Он обращался к «деревенщине» не только как к желанным читателям, но и как к судьям его творчества. В этом отношении показательно «посвящение» поэмы «Коробейники» — «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу, крестьянину деревни Шоды Костромской губернии».

*Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем.
Ты меня по часту спрашивал:
Что строчишь карандашом?*

*Почитай-ка! Не прославиться.
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится.
Не понравится — смолчу.*

*Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять.
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.*

Поэты-классики XVIII века адресовали свои велеречивые оды великим и сильным мира сего (царям, царицам, вельможам, богатым и знатым «милостивцам»). Поэты-романтики начала XIX века посвящали свои утонченно-изящные элегии мечтательным красавицам, «неземным девам». Некрасов же этим посвящением подчеркивает, что его Муза безраздельно служит крестьянину, мужику. Поэт не только хочет «угодить», «понравиться» ему как читателю своих произведений, но и готов прислушаться к его приговору.

В «Коробейниках» даны образы парня и девушки, полюбивших друг друга и мечтающих о счастливой совместной жизни. Знаменитые, распеваемые миллионами, песни — «Ой, полна, полна коробушка», «Ой, легка, легка, коробушка». «Хорошо было детинушке» — отмечены страстным стремлением к счастью, они дышат беззаветной любовью и молодой радостью. Но, как ни законно стремление Вани и Катеринушки к счастью, — в условиях русской жизни это стремление не так-то легко реализовать.

Мрачная, контрастирующая с «Коробушкой», «Песня убогого

странника» подготавливает читателя к трагической развязке сюжета.

*Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!*

*Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!*

*Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!*

*Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!*

Голод в холод рождены бедностью, а бедность сплошь да рядом толкает на преступление. Коробейники становятся жертвой преступления, их убивает позарившийся на деньги лесник:

*Коробейники отпрянули.
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай-что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Банька валится,
С криком падает старик...*

Так и не пришлось Катеринушке дожидаться своего суженого...

Но и в тех случаях, когда крестьянская девушка станет женою любимого, — их счастье, в условиях тогдашней русской действительности, опять-таки непрочное. В поэме «Мороз Красный Нос» представлены глубоко любящие друг друга муж и жена — Прокл и Дарья. Они были счастливы, но счастье им скоро изменило. Со смертью Прокла осиротела его семья:

*«Голубчик ты наш сизокрылой!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел.*

*Родителям был ты советник.
Работничек в поле ты был.
Гостям хлебосол и приветник.
Жену и детей ты любил..*

Дарью поэт рисует еще более яркими красками. Созданный им образ «величавой славянки» — одно из высших достижений не только Некрасовской поэзии, но и всей русской художественной литературы. Смелою рукою зрелого художника набросан портрет русской женщины:

*Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива
Ко всякой работе ловка.*

*И голод и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!*

.....

*В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет.
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!*

Страстно надо было любить народ, безгранично верить в него, чтобы создать подобный образ.

Именно потому, что Некрасов страстно любил народ, его мысль постоянно возвращалась к вопросу: почему же народу так тяжело живется, почему он несчастен? В поэме «Мороз Красный Нос» причиной гибели Прокла и Дарьи является мороз, т. е. слепая, стихийная сила природы. Но сила природы приобретает власть над человеком только тогда, когда он

беден и темен. Прокл и Дарья сделались жертвами мороза благодаря бедности и темноте, которые порождены социально-бытовыми условиями тогдашней действительности.

Если в поэме «Коробейники» Некрасов широко использовал народно-лирические песни, то в «Морозе» он обратился к другим жанрам фольклора: причитаниям («Голубчик ты наш сизокрылой»...) и сказкам. Образ Мороза, — одна из наибольших творческих удач Некрасова, — навеян автору сказками, в частности общеизвестной сказкой «Морозно».

Крестьянской детворе посвятил поэт прекрасное стихотворение «Крестьянские дети». Нарисованные здесь сцены — кусочки живой действительности. Они полны жизненной правды. Стихотворение это давно уже стало хрестоматийным. Кто не знает наизусть замечательного отрывка, посвященного маленькому Власу?!

Однажды, в студеную зимнюю пору..

Почему-то не всегда уделяется должное внимание заключительным строкам, а они не менее замечательны:

*На эту картину так солнце светило.
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто все это картонное было.
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий
И дровни, и хворост, и пегонькнй конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Все, все настоящее русское было,
С клеймом нелюдистой, мертвящей зимы.
Что русской душе так мучительно мило.
Что русские мысли вселяет в умы.
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — давя не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!*

«Любви» — к народу, «боли» — от сознания, что народ находится в

тяжелом положения, «злобы» — против тех, кто поставил народ в это положение... Эта злоба, святая злоба, все чаще и чаще овладевает душой Некрасова. Отсюда революционные мотивы я его творчестве.

В стихотворении «Песня Еремушке», — этом «боевом гимне» «шестидесятников», — обращаясь к молодому поколению, поэт говорит:

— В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

— Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

— Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай.
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

— С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

— Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

— Будешь редкое явление.
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты жертву ей:

— Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую

К бескорыстному труду...

И подлинно революционным призывом звучат строки:

*— С этой ненавистью правою
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьей грозой...*

По мере того, как в душе поэта крепло убеждение в неизбежности и необходимости революции, — его болезненно чуткая совесть укоризненно твердила: почему он не принимает активного участия в борьбе за свободу народа? Некрасов считал, что одних словесных призывов недостаточно, что необходимо подкрепить эти призывы делом, революционным делом. Упрекая себя в неумении согласовать слово с делом, он, конечно, был неправ, ибо его вдохновенное, звавшее к борьбе слово способствовало революционизированию сознания широких кругов демократической интеллигенции, а потому, бесспорно, являлись активным революционным делен.

Сугубо строгое отношение Некрасова к себе нашло блестящее выражение в стихотворении «Рыцарь на час». «Рыцарь на час» — не только личная исповедь поэта, его всенародное «покаяние» в том, что он не смог приобщиться к стану «погибающих за великое дело любви» (т. е. активных революционные бойцов). Это, кроме того, попытка дать широкое обобщение, попытка создать социальный тип — тип интеллигента, способного время от времени отдаваться «благим порывам», но неспособного эти порывы реализовать на деле. Так именно следует понимать и заглавие стихотворения: плох, в конце концов, тот рыцарь, который является только «рыцарем на час»...

После ареста одного из сотрудников «Современника», поэта М. И. Михайлова, за распространение революционной прокламации, — Некрасов вписал в альбом близкой Михайлову женщины (Л. П. Шелгуновой) следующие стихи:

*В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой, далекой,
Где лежит моя бедная мать...* [\[12\]](#)

*В эту ночь со стыдом сознаю
Бесполезно погибшую силу мою...
И трудящийся, бедный народ
Предо мною с упрёком идет,
И на лицах его я читаю грозу,
И в душе подавить я стараюсь слезу...*

.....

*Да! теперь я к тебе бы воззвал.
Бедный брат, угнетенный, скорбящий.
И такую бы правдой звучал
Голос мой, из души исходящий,
В нем такая бы сила была.
Что толпа бы за мною пошла...*

А после стихов: «суждены нам благие порывы, по свершить ничего не дано», — Некрасов, явно имея в виду Михайлова, приписал: «Редки те, к кому нельзя применить этих слов, чьи порывы способны переходить в дело... Честь и слава им — честь и слава тебе, брат!»

М. И. Михайлов — один из первых революционных деятелей 60-х годов, пострадавших за свои убеждения. Скоро за ним последовал в далекую Сибирь и Н. Г. Чернышевский.

Летом 1862 года правительство Александра II, опасаясь, что неудовлетворенное реформой 1861 года, обманутое в своих ожиданиях, крестьянство может поголовно восстать^[13], вступило на путь крайней реакции и с помощью репрессий пыталось бороться с распространением революционных идей. В этих целях оно арестовало и осудило Чернышевского и на восемь месяцев запретило издание «Современника».

Некрасову был нанесен тяжелый удар. Однако он не выпустил из рук оружия. Лишившись лучших друзей, лучших соратников на журнальном поприще (Добролюбов скончался еще в ноябре 1861 года, за семь месяцев до ареста Чернышевского), — Некрасов все-таки решил продолжать издание «Современника» и организовал новую редакцию журнала.

В состав вошли М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович (критик), Г. З. Елисеев (публицист), А. Н. Пыпин (двоюродный брат Чернышевского, возглавивший научный отдел). Эти писатели, за исключением М. Е. Салтыкова-Щедрина, значительно уступали Чернышевскому и Добролюбову и в таланте, и в твердости и последовательности убеждений. Тем не менее «Современник» и в 1863–1865 гг. сохранил свое место на

левом фланге русской журналистики. В особенности этому содействовало появление на его страницах романа Чернышевского «Что делать?», большого количества критико-публицистических статей и сатирических очерков Салтыкова, а также таких стихотворений Некрасова, как «Орина — мать солдатская», «Железная дорога», «Мороз Красный Нос».

Однако цензура, видя, что «Современник» не спускает флага перед реакцией, преследовала его с чрезвычайным ожесточением. Тяжесть борьбы с цензурой падала главным образом на плечи Некрасова. Ему приходилось употреблять огромные усилия, чтобы помешать цензуре вконец обезличить и обесцветить «Современник».

В 1865 году был издан новый закон о печати, который отменял в отношении некоторых журналов, в том числе и «Современника», предварительную цензуру и заменял ее системою предостережений и ответственностью редакторов и авторов перед судом. Некрасов не принадлежал к числу тех, кто склонен был рассматривать этот закон как прогрессивный. Он предвидел, что реакционные круги найдут способы борьбы с передовой печатью и при новом законе. Это свое убеждение поэт выразил в сатирическом цикле «Песни о свободном слове».

*Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!»
Заметил весело один.
«Теперь нас ждут простор и слава!»
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою покачал!*

И, действительно, после издания нового закона, на передовую печать как из рога изобилия посыпались предостережения. «Современник» получил подряд два предостережения, а получение третьего грозило журналу запрещением. Поскольку на Некрасове, как на главном редакторе, лежала преимущественная ответственность за участь журнала, — он должен был взвешивать каждое слово в предназначенных для «Современника» статьях, а иногда с болью в сердце подвергал, их изменениям, продиктованным цензурными соображениями.

В шуточном стихотворном послании приятелю, приглашавшему его поехать с ним на охоту. Некрасов писал:

На письмо твое должен сказать:

.

Отказавшись от милой цензуры,

Погубил я досуги свои, —

Сам читаю теперь корректуры

И мараю чужие статьи...

Одолела пииту забота.

Позабыл я, что значит игра,

Позабыл я, что значит охота! —

Потому что Валуев^[14] сердит;

Потому что закон о печати

Запрещеньем журналу грозит,

Если слово обронишь некстати.

Тон шуточный, но за ним чувствуются истинные боль и тоска.

Вскоре произошло событие, которое сделало бесплодными все попытки Некрасова уберечь свой журнал от запрещения. 4 апреля 1866 года революционер Каракозов выстрелил в Александра II. Хотя покушение и не достигло своей цели, но оно способствовало еще невиданному в царствование Александра II взрыву реакционных настроений как в буржуазно-дворянских, так, в особенности, и в правящих кругах. Был объявлен настоящий поход против передовой общественности и передовой журналистики. Во главе этого похода встал, получивший чуть ли не диктаторские полномочия, жестокий усмиритель Виленщины М. Н. Муравьев-Виленский (в просторечии — Муравьев-Вешатель). По его распоряжению «Современник» был закрыт. Предпринятые Некрасовым отчаянные попытки предотвратить эту репрессию не увенчались успехом.

СНОВА У КОРМИЛА ЖУРНАЛА

*И возвратись, собравшись с силой.
На оный путь — журнальный путь...*

(Из стих. «М. Е. Салтыкову».)

Запрещение «Современника» заставило поэта пережить тягчайшее душевное потрясение.

Некрасов к этому времени был уже достаточно обеспеченным человеком. Он приобрел вблизи Ярославля имение князей Голицыных — Карабиху. Так удобен был карабихский дом, так обширен и густолиственен карабахский парк, так живописны окрестности, столько разнообразной дичи в них водилось! Чего лучше, казалось бы, переселиться в Карабиху, предаться столь заслуженному отдыху, а когда духовные и физические силы восстановятся, посвятить себя исключительно поэзии!

Такого рода перспектива могла бы пленить другого человека, но отнюдь не Некрасова. Некрасов был прирожденный боец, и в то же время — человек железной воли, исключительной настойчивости. И на этот раз, после столь роковой для него весны 1866 года, он не покинул журнального поприща. Вторую половину 1866 года поэт провел в Карабихе, весну и часть лета 1867 года — за границей, конец лета и начало осени 1867 года — опять в Карабихе. Осенью же 1867 года Некрасов возвратился в Петербург с твердым намерением возобновить журнальную деятельность.

Так как не было никакой надежды, что правительство разрешит ему издавать новый журнал, Некрасов решил взять в свои руки какой-либо из существующих журналов. Выбор его пал на «Отечественные записки» — старый журнал, в котором он вместе с Белинским сотрудничал еще в 40-ые годы.

В период существования «Современника» умеренно-либеральные «Отечественные записки», не сочувствуя революционно-демократическому направлению «Современника», жестоко враждовали с ним. Тем не менее теперь, в исходе 60-х от., издатель «Отечественных записок» Краевский, типичный оппортунист, заботившийся не столько о верности своим либеральным принципам, сколько о материальных выгодах, не задумался передать Некрасову свой журнал, хотя и знал, что Некрасов будет издавать его в духе «Современника», в духе совершенно противоположном

«Отечественным запискам».

По договору, заключенному между Краевским и Некрасовым, Краевский остался издателем журнала, а редакционные дела перешли в руки Некрасова. Роль Краевского ограничилась получением части доходов от издания журнала, а Некрасов получил право сформировать редакцию, приглашать сотрудников, одним словом, — вести журнал в желательном для него направлении.

В качестве соредакторов Некрасов привлек в «Отечественные записки» сначала Г. З. Елисеева, затем М. Е. Салтыкова-Щедрина, работавших с ним и в «Современнике». Однако с другими участниками редакции «Современника» — М. А. Антоновичем и Ю. Г. Жуковским — Некрасову договориться не ухалось. Хотя это и не повело к явному конфликту, но Антонович и Жуковский затаили обиду и в 1869 г., на второй год издания «Отечественных записок», выступили против Некрасова, Салтыкова-Щедрина и Елисеева с крайне резкой, переходившей в памфлет, брошюрой «Материалы для характеристики современной русской литературы». В этой брошюре Некрасову предъявлялось обвинение в измене знамени Чернышевского, в ренегатстве, выразившемся-де в том, что он соединился со своим давним идейным противником — Краевским.

Неудивительно, что брошюра Антоновича и Жуковского произвела своего рода сенсацию в обществе, и была широко использована и идейными противниками и личными врагами поэта в целях его моральной дискредитации. Хуже всего было то, что он лишен был возможности возражать своим обвинителям по существу. Если бы он вздумал опровергать их утверждения, доказывая, что знамени Чернышевского он не изменил, что придерживается своих прежних убеждений, тех убеждений, которые столько лет проповедывал «Современник», — то подобный ответ был бы равносителен смертному приговору новому его журналу. Ведь Чернышевский как опасный «государственный преступник» был на каторге, а «Современник» был запрещен по высочайшему повелению за «неблагонамеренность». Заявить о своей солидарности с Чернышевским, о верности прежнему направлению «Современника» — значило расписаться в неблагонамеренности как своей собственной, так и своего нового журнала.

Молчать, когда тебя несправедливо оскорбляют, — крайне тяжело, по пожертвовать ради защиты своего доброго имени интересами того общественного дела, которому служишь, Некрасов считал совершенно недопустимым. Вот почему он решил вовсе не отвечать своим обвинителям, как это ни больно для него было.

Обвинителям Некрасова ответило время: с каждым месяцем издания «Отечественных записок» становилось все более и более несомненным, что этот журнал, подобно «Современнику», стоит на демократических позициях, что он защищает интересы обездоленного, обманутого пресловутым «освобождением крестьян» народа, что к правительственной власти и поддерживающим ее классам он относится сугубо отрицательно. Естественно поэтому, что передовая русская общественность увидела в «Отечественных записках» свой журнал.

«Это был, — свидетельствует один из современников, — не только наиболее читаемый, наиболее распространенный среди молодых читателей журнал, — это было издание, возбуждавшее лихорадочный интерес, заставлявшее собираться вместе для прочтения новой книжки, потому что ждать очереди казалось слишком томительным...»

Направление «Отечественных записок» вызывало крайнее недовольство в правительственных кругах. Чтобы спасти свой журнал от грозивших ему цензурных репрессий, Некрасов, как и в годы «Современника», должен был то «задабривать» цензурных чиновников пышными обедами и ужинами, то обращаться к содействию своих высокопоставленных знакомых, с которыми встречался в Английском клубе и участвовал в великосветских охотах в окрестностях Петербурга. Такая, вынужденная необходимостью, «тактика» мучила Некрасова. В стихотворении, обращенном к уезжавшему лечиться за границу М. Е. Салтыкову-Щедрину, Некрасов убеждает его по выздоровлении вернуться

*На оный путь — журнальный путь...
На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей.
Но где мы снисхождение купим
Трудом у мыслящих людей.
Трудом и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать.*

Труд и бескорыстная цель — вот что лежало в основе журнальной деятельности Некрасова, вот что помогло ей приобрести значение очень важного фактора русской общественной жизни. А значение журнальной

деятельности Некрасова таково, что его трудно переоценить. Двадцать лет он издавал и редактировал «Современник», десять лет издавал и редактировал «Отечественные записки». Иными словами, благодаря ему, в течение целых тридцати лет русское общество, из месяца в месяц, подвергалось систематическому воздействию передовых идей, выражаемых в живой, доказательной форме большим коллективом писателей, лучших писателей-общественников, каких только знала тогдашняя литература. С полной уверенностью, отнюдь не рискуя впасть в преувеличение, можно утверждать, что никто из русских журналистов данного периода (1847–1877 гг.) не сделал столько для обоснования и популяризации идей политического и социального раскрепощения народа, сколько сделал Некрасов как организатор, как редактор-издатель сначала «Современника», затем «Отечественных записок».

А сколько талантов он поддержал, скольким писателям помог выбраться на широкую литературную дорогу!..

Один из соратников Некрасова по журнальной работе, руководящий сотрудник, а затем и соредактор Некрасова по «Отечественным запискам» Н. К. Михайловский, говоря о деятельности Некрасова как журналиста, склонен даже полагать, что цена незабываемой заслуги его на этом поприще так велика, что «быть может, даже превосходит цену его собственной поэзии». Мнение Михайловского интересно и показательно, но согласиться с ним никак нельзя. Нельзя, прежде всего, потому, что Некрасова-журналиста невозможно отрывать от Некрасова-поэта. Журналист и поэт в его лице стремились, собственно говоря, к одной и той же цели, боролись за одно и то же дело. Права Некрасова на величие определяются в глазах современного читателя, прежде всего его поэзией, но поэзия его создавалась в горниле напряженнейшей деятельности передового журналиста. Если бы Некрасов не был журналистом, кто знает, как отразилось бы это на его поэзии: не утратила бы она некоторой доли политической насыщенности и остроты?

Во всяком случае, как ни напряженно работал Некрасов как журналист в годы «Современника», — это не помешало ему создать немало первоклассных произведений. Как ни напряженна была деятельность Некрасова в бытность его редактором «Отечественных записок», — и за это время он создал ряд подлинных поэтических шедевров.

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

*Ты и убогая.
Ты и обильная.
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!*

(Из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».)

«Освобождение» крестьян стало совершившимся фактом, но «на место сетей крепостных люди придумали» столько «иных», что на вопрос: «народ освобожден, но счастлив ли народ»? — Некрасов не мог дать иного ответа, кроме отрицательного:

*Новое время — свободы, движения,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновления
В бедной отчизне моей?*

*Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие,
Те же попы по церквам.*

*В жизни крестьянина, ныне свободного.
Бедность, невежество, мрак...*

(Из стих. «Как празднуют турсу»)

Проблема народного счастья так и осталась неразрешенной. Этой проблеме Некрасов снова посвящает целый ряд произведений, среди которых и по размерам, и по глубине общественного смысла, и по силе художественного воздействия выделяется большая поэма «Кому на Руси жить хорошо», которую с полным основанием можно отнести к жанру «народных эпопей».

У каждого великого поэта есть свое излюбленное произведение,

работе над которым он оттачивает лучшие силы. Для Пушкина это был «Евгений Онегин», для Лермонтова — «Демон», для Гоголя — «Мертвые души». Делом жизни Некрасова была поэма «Кому на Руси жить хорошо». К ее созданию поэт приступил около 1864 г. и работал над ней, — правда, не сплошь, а с перерывами, — в течение 12–13 лет. Незадолго до смерти Некрасов выражал огорчение, что не сможет довести поэму до конца. «Начиная, я не видел ясно, где ей конец, — говорил он А. С. Суворину. — но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала». Писателю-народнику Г. И. Успенскому поэт объяснял, что в это произведение его «должен был войти весь опыт, данный изучением народа, все сведения о нем, накопленные по словечку в течение 20 лет».

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» по всем данным, — по времени работы автора над ней, по величине (около 800 стихов) по тому значению, которое придавал ей автор, — занимает в творчестве Некрасова центральное место.

Первоначально Некрасов полагал дать в поэме широкую картину жизни всех классов русского общества в пореформенные годы. В споре о том, «кому живется весело, вольготно на Руси», были высказаны шесть противоположных, исключающих друг друга, мнений. Шесть мнений обязывали поэта дать шесть ответов. Но Некрасов, изобразив встречу своих странников с «попом» и с «помещиком», отвечает только на два мнения; остальные четыре остаются без ответа, по крайней мере в — беловых рукописях поэмы^[15]. Это говорит о том, что в процессе работы Некрасов несколько отошел от первоначального замысла, отошел вследствие того, что в 70-е годы, когда он особенно усердно работал над поэмой, для него, как и для многих современников, особое значение приобрел вопрос о народном (крестьянском) счастье, а в частности о тех путях, которые к нему ведут. Ответ на вопрос, счастлив ли народ в настоящем, был уже предрешен для Некрасова в самом начале его работы над поэмой и предрешен в отрицательном смысле. Можно ли всерьез говорить о счастье крестьян Подтянутой губернии, уезда Терпигорева, Пустопорожней волости, деревень: Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайки тож?! Ведь эти названия выбраны поэтом не случайно, а с целью подчеркнуть как горькую бедность, так и крайнюю забитость крестьянства, при которых ему только остается горе горевать. О крестьянском счастье можно говорить только в ироническом смысле:

Эй, счастье мужицкое!

*Дырявое с заплатами.
Горбатое с мозолями.
Проваливай домой!*

Какие же причины препятствуют крестьянскому счастью, какие пути ведут к нему? Вот к чему прикована мысль Некрасова как автора поэмы.

Время развертываемого в поэме действия — годы, непосредственно следующие за «освобождением». Семь странников именуются «временно обязанными»: временные же обязательства крестьян в отношении помещиков продолжались с февраля 1861 г. по февраль 1863 г. Таким образом действие поэмы приурочено к этому именно времени. Поэт хорошо сознавал, что через два-три года после отмены крепостного права — видеть в нем явление только исторического порядка было бы совершенно неправильно. Пусть оно отменено, но его растлевающее влияние чувствуется повсюду. Немало еще людей, которые вздыхают о нем.

Вздыхают, прежде всего, помещики-крепостники, органически неспособные примириться с упразднением тех порядков, когда каждый из них мог сказать о себе:

*Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твой деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!..
Ни в ком противоречия.
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Улар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловоррот!*

Вздыхают о недавнем прошлом и те, кто кормился около барского стола и на этом основывал свое материальное благосостояние. В уста попа Некрасов вкладывает такие слова:

Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики.
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодились и множились
И нам давали жить...
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их...
Попу поправка добрая...
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам...
Никто теперь подрысника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов...
Живи с одних крестьян...

С отменой крепостного права приуныли барские «холуи» — те из дворовых людей, которые привыкли служить господам и рабски были преданы им. Про одного из них — Плата — страдники рассказывают:

Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князя Уятины
Останутся бее вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение»,
Ипат сказал, «балуйтесь вы!
А я князей Уятиных
Холоп — и весь тут сказ!»
Не может барских милостей

Забывать Ипат!..

И это несмотря на то, что «барские милости» в действительности граничили с возмутительным издевательством над личностью «преданного раба», — вроде купанья его в пр руби. О людях, подобных Ипату или «холопу примерному — Якову верному», в поэме сказано:

*Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.*

Отмена крепостного права, оплакиваемого представителями реакционного дворянства и их прихлебателями, приветствуется, по поэме Некрасова, широкими массами крестьянства. Удивляться этому, конечно, не приходится. В целом ряде и отдельных эпизодов и обобщающих суждений, вложенных поэтом в уста тех или иных действующих лиц, подчеркиваются кошмарные ужасы крепостной неволи. Достаточно сослаться хотя бы на вошедшие в текст последней части поэмы песни «Веселую», с ее надрывающим душу припевом: «славно жить народу на Руси святой», «Барщинную» («Беден, нечесан Калинушка», у которого «с лаптя до ворота шкура вся вспорота, пухнет с мякины живот») и рассказ — «Про холопа примерного — Якова верного», не нашедшего лучшего способа отомстить своему барину, как повеситься на его глазах.

Крепостное право не только обрекало крестьян на жизнь, полную лишения и надругательств: оно коверкало их нравственную природу, прививало им смирение и покорность, эти рабские добродетели, учило их звериному эгоизму. Как «змея родит змеенышей», так «крепь» родила немало крестьянских грехов, в том числе и такой страшный грех, как переход на сторону классового врага (в последней части поэмы рассказ «Крестьянский грех»).

Расценивая так дореформенные времена, Некрасов отнюдь не обольщался и пореформенным настоящим. Его взгляд на крестьянскую реформу, на пресловутую «волю», быть может не отличался такой прямолинейностью, как взгляд Чернышевского, но ни в коем случае не противоречил ему^[16]. Взгляд Чернышевского с предельной отчетливостью был формулирован впоследствии Лениным. «Крестьянскую реформу» 61-

го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку»^[17]. Такой убежденный революционный демократ, как Чернышевский, иначе относиться к «реформе» и не мог, ибо «крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало»^[18].

О том, как совершалось «освобождение», в поэме Некрасова сказано сравнительно мало. Все же имеются весьма характерные указания на то, что если кое-где крестьяне и получили сколько-нибудь удовлетворительные земельные наделы, то это являлось редчайшим исключением из общего правила:

*...попадают
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Неведеньем помещика,
Живущего в дали.
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей, —
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.*

Поэт отчетливо сознавал, что «освобожденный» крестьянин не перестал быть объектом самой жестокой эксплуатации. В уста одного из своих героев. Якима Нагого, он вкладывает такие знаменательные слова:

*Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!*

Если слово «бог» заменить (как это и сделано в подпольном издании

поэмы 1873 г.) словом «поп», то социальный смысл данного четверостишия станет совершенно ясен: и после «освобождения» крестьянин работает не столько на себя, сколько на паразитирующие классы (дворянство, духовенство), возглавляемые царем. Правда, в этом перечне паразитов отсутствует буржуазия. Зато в других частях поэмы ей уделено достаточно внимания. С кем ведет борьбу герой поэмы Ермил Гири́н? — С купцом Алтынниковым! Из-за кого угодил в тюрьму Яким Нагой? — Из-за купца же! Чья непомерная жадность погубила силача Трофима? — жадность «проклятого подрядчика», «бестии», «подлеца».

«Порвалась цепь великая», — отменено крепостное право, барин лишен права подвергать крестьян телесному наказанию, но их постоянно на «законных основаниях» приговаривают к розгам волостные суды («Пир на весь мир»).

«Порвалась цепь великая», но не изменились к лучшему и остаются кошмарно тяжелыми условия крестьянского труда:

*...погляди поди.
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое
Скосивши волокут.
Где не пробраться лошади.
Где и без ноши пешему
Опасно перейти.
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком ползет с плетюхами, —
Трещит крестьянский пуп!*

«Порвалась цепь великая», но. как и раньше, голод стучится у крестьянских дверей, и мрачная «голодная» песня невольно просится на уста:

*Стоит мужик —
Колышется,
Идет мужик —
Не дышится!*

С коры его

*Распучило,
Тоска-беда
Измучила,*

*Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного...*

И все же поэт уверенно и твердо, устами Григория Добросклонова, заявляет:

*В минуту унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю!
.....
Довольно! Окончен с прошедшим расчет.
Окончен расчет с господином!*

<i>[в оригинале отсутствуют стр. 95-100]</i>
--

«доли народа», т. е. народного счастья. Рано или поздно народ добьется их.

*Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —...*

Когда эта искра разгорится, — поднимется «пе-исчислимая рать», в ней скажется «несокрушимая сила», и тогда народное счастье перестанет

быть мечтою. Борьбе во имя торжества «честного дела», во имя того, чтоб «землякам его и каждому крестьянину жилось вольготнее, весело на всей святой Руси», — Гриша отдает всю свою жизнь. Пусть судьба грозит ему «чахоткой и Сибирью», — он не изменит себе, не свернет с избранною пути.

Образ Гриши овеян современностью, ибо воплотил в себе характерные черты революционера-семидесятника.

В поэмах о декабристах и декабристках («Дедушка», «Русские женщины») Некрасов обращается к славному историческому прошлому русского народа и создает не менее яркие образы «первенцов русской революции» — участников движения 20-х годов XIX века и их героических жен.

ПОЭМЫ О ДЕКАБРИСТАХ И «ДЕКАБРИСТКАХ»

*И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы...*

(Из поэмы «Несчастье»)

Материалом для создания поэм «Дедушка» и «Русские женщины» послужили как литературные источники — «Записки декабриста» барона Розена и «Записки» княгини М. Н. Волконской, — так и впечатления от личного знакомства Некрасова с некоторыми из доживших до его времени участников движения декабристов и их ближайшими родственниками.

В поэме «Дедушка» изображен возвратившийся на родину после многолетней сибирской каторги старик-декабрист. Великая любовь к родине заставила его в прошлом восстать против угнетателей народа. «Кто же, имеющий душу, мог это вынести? Кто?..» — восклицает он, рассказывая своему внуку, мальчику Саше, о том, как в аракчеевские времена издевались над народом помещики, как «сок из народа давила подлых подъячих орда», а затем твердо и убежденно заявляет:

*— Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.*

Избавить народ от бедствий, уничтожить его угнетателей — вот для чего «дедушка» и его товарищи взялись за оружие. Много с тех пор прошло времени, много пришлось «дедушке» «претерпеть на веку», но он не изменил своей любви к народу, мысли его по-прежнему прикованы к светлому будущему, к тому времени, когда народ будет свободен и счастлив.

Особого внимания заслуживает рассказ «дедушки» о том, как «горсточка ссыльных», заброшенная в «страшную глушь, за Байкал», сумела создать для себя счастливую жизнь, сумела создать ее потому, что получив «волю да землю», проявила себя способной к напряженному

творческому труду.

*Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали.
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы.
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...
.....
Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дива творят!*

«Тарбагатай» (селение, о котором идет речь в поэме) в условиях тогдашней русской действительности — явление исключительное. Это прекрасно понимают и «дедушка» и сам Некрасов. Надо, чтобы вся русская земля была цветущим и радостным «Тарбагатаем». Во имя достижения этой великой цели не следует отступать ни перед какими препятствиями, ни перед какими жертвами — такова основная идея поэмы.

«В Русских женщинах» декабристы также обрисованы как самоотверженные борцы за народное счастье. Вот что говорит княгиня Волковская о своем сосланном муже, убеждая отца не противиться ее отъезду в далекую Сибирь:

*Отец! Ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне.*

*Его перед полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
Я в нем полюбила героя...*

*Позднее, я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозой...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!*

Если в поэме «Дедушка» центральное место занимает образ одного из декабристов, одного из непосредственных участников события 14-го декабря 1825 года, то в «Русских женщинах» в центре — образы их героических жен.

Повествуя о той борьбе, которую им пришлось вынести, чтобы разделить со своими мужьями их ссылку, рисуя картины их длительного и тяжелого путешествия, Некрасов неоднократно дает понять читателям, что и Трубецкая и Волконская руководствуются в своих поступках не только супружеской любовью, но и чувством гражданского долга. Они — не только любящие жены, но и единомышленницы своих мужей. Они так же горячо, как и их мужья, любят народ, так же сильно ненавидят его врагов. В уста княгини Волконской Некрасов вложил страстный дифирамб в честь русского народа. Рассказав о том, как часовой, простой солдат, рискуя подвергнуться суровой каре со стороны начальства, согласился пропустить ее в подземную шахту, где работают декабристы-каторжане, — княгиня Волконская продолжает:

*Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!*

*В дороге, в изгнании, где я ни была,
Все трудное каторги время.
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...*

.....

*Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клеймённый:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски.
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!*

.....

*Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!..*

И каким разительным контрастом является характеристика придворно-аристократического круга николаевского времени, которую дает княгиня Трубецкая в беседе с иркутским губернатором:^[19]

*Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Ничтожной злобы торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес*

*Меня не заманят.
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? Жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу^[20]
Свободных и святых.*

Поэма «Русские женщины» замечательна не только своей революционно-демократической направленностью. Драматизм содержания делает ее одним из наиболее увлекательных, наиболее захватывающих по силе художественного воздействия произведений Некрасова.

В первой части («Княгиня Трубецкая») наиболее драматичны сцены отъезда героини, ее прощания с отцом, и описание ее мучительного, перемежаемого бредовыми видениями, путешествия в лютый мороз по дикой безлюдной стране. Высшего напряжения драматизма достигает поэт в изображении долгой и тягостной борьбы княгини с иркутским губернатором, пытавшимся отговорить ее от поездки к мужу.

Во второй части («Княгиня Волконская») особенно драматичны — рассказ княгини об ее свидании с мужем в крепости, описание тех невероятных усилий, которые ей пришлось приложить, чтобы добиться согласия отца на поездку в Сибирь, и, наконец, сцена ее встречи с мужем в подземной шахте.

Успех «Русских женщин» был огромен. Передовые круги общественности и в особенности народолюбивая молодежь 70-х годов чувствовали, что, изображая в таком ореоле «первенцов русской революции» — декабристов, Некрасов в то же время высказывает сочувствие и одобрение тем революционным стремлениям и порывам, которые одушевляли их. Через головы декабристов и их героических жен поэт как бы благословлял революционный подвиг своих современников.

Трудно себе представить более различные по форме произведения, чем поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и «Русские женщины». Первая от начала до конца самобытна; она выросла из фольклора, ее «склад и лад» всецело идут от устного народного творчества. Вторая, в известной мере,

традиционна; она продолжает ту линию, которая была намечена великими предшественниками Некрасова. И не случайно в числе действующих лиц «Княгини Волконской» появляется Пушкин.

Однако со стороны содержания обе поэмы теснейшим образом связаны между собой. И если в поэме «Кому на Руси жить хорошо» поэт приходит к выводу, что путь к народному счастью лежит через революцию, то в «Дедушке» и «Русских женщинах» Некрасов рисует образы революционных борцов, рисует для того, чтобы преклониться перед ними.

В 70-ые же годы Некрасов создает и сатирическую поэму «Современники». «Герои» этой остроумной, не лишенной элементов гротеска поэмы, — «рыцари наживы», только и думающие об ограблении страны и народа в свою пользу. Ради достижения этой цели для буржуа-капиталистов, для бюрократии и реакционного дворянства, для той части интеллигенции, которая пошла на службу капиталу, все средства, — хотя бы и самые безнравственные, — одинаково дозволены. К этим «рыцарям наживы» поэт не знает никакого снисхождения. Полные ненависти и презрения, бичующие строки бросает Некрасов по их адресу:

*Прочь! гнушаюсь ваших уз!..
Проклинаю процветающий,
Все-берущий, все-хватаящий,
Все-ворующий союз!..*

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

*Родина милая!
Верь, что во мне необъятно безмерная
Крылась к народу любовь,
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая русская кровь...*

(Из «Последних песен».)

Семидесятые годы, не в меньшей степени, чем шестидесятые, были временем расцвета творчества Некрасова. В эти именно годы он создает большую часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо», пишет поэмы «Русские женщины» (обе части). «Современники» и ряд других замечательных стихотворений. В них отражены думы поэта о наиболее важных проблемах современной ему русской жизни.

Высокохудожественные, воплощавшие передовые идеи эпохи, стихи Некрасова пользовались исключительной популярностью. В особенности пенила Некрасова молодежь, видевшая в нем вдохновенного певца увлекавших ее высоких общественных идеалов. О тех чувствах любви, уважения, преклонения, которые она питала к поэту, можно судить по многочисленным воспоминаниям современников.

Вот яркая страница из воспоминаний Г. А. Мачтета, начинавшего в 70-е годы свое литературное поприще. Мачтет снес свою рукопись в редакцию «Отечественных записок», и ему нужно было узнать у Некрасова о ее судьбе. Мысль о предстоящем свидании до крайности волновала его.

«Я знал, что через несколько дней я буду стоять лицом к лицу с тем, при одном имени коего склонялись наши молодые головы; буду говорить с тем, перед окнами кого мы выстаивали иногда целые часы, чтобы уловить его выход на улицу или хоть один силуэт за стеклом оконной рамы...

И этот роковой день, наконец, пришел... Как подошел я к дому на Бассейной, — все равно, но, входя, я почувствовал, что бледнею все больше и больше, что земля как будто уплывает под моими ногами. Бородатый лакей спросил мое имя, — я выговорил с трудом и через минуту стоял лицом к лицу с поэтом...

— Садитесь... Давно начали писать?

Я сказал... Он расспросил меня о многом, и, когда я кончил^[21], он

насупился и заходил по комнате...

— Конечно, не мне отрывать вас от того, куда влечет вас сердце, — начал он сурово и хмуро, как бы ища слов, — но я, все-таки, скажу вам: берегите себя... Из вас может вырабататься писатель... У вас есть чувство, вы умеете любить и... (кусаться! — добавил он улыбаясь...

А я сидел и не верил, казалось, себе, своему счастью, не верил, мои ли уши слышат, мои ли глаза видят... Но я не спал, не грезил, — великий поэт, разбудивший наши сердца и затепливший в них святые искры любви и веры, действительно предо мной... Про нас говорят, что мы вообще отрицаем авторитеты... Я, конечно, не хочу спорить, но я все-таки сделаю малую оговорку... Что бы там ни говорили, своих великих людей мы умели выделять, ценить, мы умели быть благодарными... Тех, что учили нас любить и мыслить, мы ставили так высоко, как им, конечно, никогда и не снилось, а пыль, приставшую к их подошвам, — потому что они, как и все, ходили по земле, — мы умели отделять от их светлого духовного образа... И потому, пока говорил Некрасов, я только слухом, казалось, ловил его слова... Внутри копошилась такая масса смешанных чувств восторга, благодарности и любви к родному поэту...»

Огромный успех его поэтических произведений, непрестанно возрастающая популярность журнала, любовь и уважение со стороны передовой части русского общества доставляли Некрасову заслуженное нравственное удовлетворение. «Дела идут недурно, — писал он в 1873 году брату Федору Алексеевичу, — и кабы лет десяток с костей долой, так я, пожалуй, сказал бы, что доволен».

Но в этом же письме отразилось горькое сознание надвигающейся старости: «Да, ничего не поделаешь! Человек, живя, изнашивается, как платье; каждый день то по шву прореха, то пуговица потеряется... И не много уже остается, что возможно еще потерять... Эх! с ноября пошло мне на шестой десяток...»

И не только приближение старости грозило Некрасову. К началу 1876 г. заметно стало расшатываться его здоровье.

Вскоре ему пришлось слечь.

За больным ухаживали его сестра Анна Алексеевна Буткевич и новая его подруга Фекла Анисимовна Викторова, которую он называл Зиной, Зинойчкой, а знакомым рекомендовал как Зинаиду Николаевну. Под этим именем ее и знали все, кто встречался с нею в доме Некрасова.

Малообразованная девушка «простого звания»^[22], она в начале своего знакомства с Некрасовым пленила его, главным образом, своими молодостью и красотой. На отношения с ней он, надо думать, смотрел как

на кратковременные. Но впечатления последних лет жизни убедили его, что она достойна носить его имя, и он счел нужным обвенчаться с ней. Сделал он это, разумеется, не потому, что придавал какое-либо значение церковному обряду, а исключительно с тою целью, чтобы заставить окружающих, в том числе и своих ближайших родственников, видеть в ней свою законную жену, обладающую и в имущественном и в юридическом отношениях всеми правами.

Здесь решающую роль сыграло, невидимому, то изумительное самоотвержение, которое Зинаида Николаевна проявила во время болезни поэта.

«Неизлечимая, мучительная болезнь, — рассказывает один из современников, — похоронила его для всех, кроме двух, не оставлявших его ни на минуту, женщин: этой самой Зиночки и родной сестры. Они соперничали в самоистязаниях: каждая не давала себе спать, чтобы услышать первый его стон и первой подбежать к постели. Для этого Зиночка, которая была моложе и со сном справлялась труднее, садилась на пол и уставлялась на зажженную свечу...

Зина! закрой утомленные очи!

Зина! усни...

Но Зина не закрывала очей и не давала себе уснуть. Зато по истечении этих двухсот дней и ночей она из молодой, беленькой и краснощекой женщины превратилась в старуху с желтым лицом, и такою осталась»^[23] (П. М. Ковалевский).

Физические страдания поэта усиливались с каждым днем. К ним вскоре присоединились и нравственные.

Некрасов знал, что умирает. В его меркнувшем сознании длинной вереницей проходили воспоминания о «грехах» — о совершенных ошибках. Эти «грехи», думалось поэту, свели на-нет его заслуги перед родиной, отняли у него право на благодарную память потомства. Скорбные думы, неотступно терзавшие умирающего, прорывались и в его разговорах с посетителями, а также в предсмертных вдохновениях не покидавшей его музыки. «Последние песни» Некрасова — это вопль больной совести в момент прощания с жизнью.

Вопль этот не остался неслышанным.

Передовая интеллигенция, революционно настроенная учащаяся молодежь с разных концов России посылали умиравшему поэту слова

привета, сочувствия, утешения. Особенный отклик в сердцах читателей и почитателей Некрасова нашло стихотворение «Скоро стану добычею тленья» с его полными горечи словами:

*Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть...*

Взволнованное этим стихотворением петербургское студенчество преподнесло Некрасову адрес. О вручении адреса хотел рассказать Елисеев по смерти поэта во «Внутреннем обозрении» «Отечественных записок» (1878 г. № 1), но оно было вырезано цензурой.

«Когда, — пишет Елисеев, — я пришел предупредить покойного, что к нему через час явятся три депутата от студентов с заявлением сочувствия ему и общей скорби студентов об его болезни, он, видимо, очень обрадовался. «Мне очень это приятно, — сказал он мне, — но я боюсь, чтобы это не было как-нибудь дурно истолковано для них, чтобы не вышло чего... Да и их, боже мой! чем я их отблагодарю? Я успокоил его, сказав, что студенты желают одного только, чтобы он их принял, чтобы они могли ему высказать свои чувства, а затем они будут довольны всем, что он ни даст им на память. Через несколько времени после этого пришли студенты... Приблизившись к постели Некрасова, один из студентов объяснил цель их прихода. Другой прочел краткую, заранее приготовленную речь, покрытую подписями студентов, в которой выяснялось значение поэзии Некрасова для России и молодого поколения. Третий сделал более пространный устный комментарий к прочитанной речи, который дышал задушевною привязанностью к поэту. Поэт был так тронут и взволнован, что обе речи слушал со слезами. Я уверен, что он переживал в это время лучшие минуты в своей жизни, и не могу не прибавить к этому, что счастливая мысль молодого поколения заявить свое сочувствие больному поэту была лучшим лекарством для него. Они умиротворили его мятущуюся душу, дав ему ясно уразуметь, что враги его напрасно ликовали, что за него — Россия и её молодое поколение».

«Речь, покрытая подписями студентов» — это и был тот адрес, о котором мы только, что упоминали. Вот его полный текст:

«Прочли мы твои «Последние песни», дорогой наш, любимый Николай Алексеевич, и защемило у нас сердце: тяжело было читать про твои страдания, неумоготу услышать твое сомнение: «да и некому будет жалеть». Себялюбив, правда, тот род, которому ты лирой своей не стяжал

блеска, и не он тебя пожалеет. Темен народ наш и не скоро еще узнает тебя. Но зачем же забыл ты нас, учащуюся русскую молодежь? Много, правда, темных сторон найдешь ты в нас, но несем мы в сердцах могучую, святую любовь к народу, ту любовь, что уже многим стоила свободы и жизни.

Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий: мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу и воспламенял ненавистью к его притеснителям.

Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья.

Знай же, что ты не одинок, что взлелеет и возрастит эти семена всей душой тебя любящая учащаяся молодежь русская».

В не менее задушевном тоне был составлен и адрес от харьковских студентов.

Кроме коллективных адресов и телеграмм Некрасов получил множество писем от отдельных лиц. в том числе и от политических ссыльных. Безвестные авторы, кто в стихах, а кто в прозе, спешили выразить больному поэту свою любовь и участие.

Но самым дорогим для Некрасова было приветствие, переданное ему через Пыпина Чернышевским.

«Если, когда ты получишь мое письмо, — писал Чернышевский Пыпину, — Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю за его доброе расположение к мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он, действительно, был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И как поэт, он, конечно, выше всех русских поэтов».

Выслушав эти строки из письма Чернышевского, умирающий поэт отвечал едва слышным шепотом: «Скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благодарю его: я теперь утешен: его слова дороже мне, чем чьи-либо слова».

Некрасов был «утешен» приветом Чернышевского потому, что в словах его звучал голос самой передовой по взглядам, самой безупречной морально части русского общества, голос тех, кто личным страданием (ссылкой, тюремным заключением) доказал свою преданность идеалам политического и социального раскрепощения народа.

27 декабря 1877 г. — 8 января 1878 г. Некрасов скончался.

Смерть поэта вызвала новый взрыв общественных к нему симпатий,

которые особенно бурно проявились накануне и во время похорон поэта.

Вот что говорилось по этому поводу в упомянутой выше, вырезанной цензурой, статье Елисеева:

«Со времени Пушкина едва ли ко гробу какого-нибудь писателя стекалось столько народу, сколько мы видели при гробе Некрасова и на панихидах, в особенности же при погребении... С того самого момента как появилось известие в газетах о смерти Некрасова, интеллигентный Петербург с утра до ночи толпился в его квартире. Надобно было видеть, с каким непритворным горем толпы учащейся молодежи явились при его гробе, благоговейно склонялись на колени перед гробом, целовали его руки и потом сменялись новыми толпами. Все это, что в продолжение трех дней со времени его смерти являлось на поклонение гробу, стеклось на его погребение. На погребении Некрасова был, можно сказать, весь интеллигентный Петербург, вея лучшая будущая Россия Петербурга».

Самое погребение Некрасова описано в целом ряде воспоминаний, из которых наибольший интерес представляют воспоминания Г. В. Плеханова. Плеханов указывает, что похороны Некрасова приняли характер политической демонстрации, что на них, не только по личному почину, но и по партийному, так сказать, заданию присутствовали участники тогдашних революционных организаций — «землеволюцы» и «южные бунтари». Это они, взявшись за руки, образовали цепь вокруг похоронного шествия: это они возложили на гроб поэта венок, на красных лентах которого было написано «от социалистов»: это они выдвинули из своей среды оратора, говорившего о значении поэзии Некрасова для русской революции; это они явились на похороны вооруженными, чтобы, в случае необходимости, револьверными выстрелами ответить на насилия полиции.

Могила Некрасова находится в Ленинграде на кладбище Новодевичьего монастыря.

ЛИЧНОСТЬ НЕКРАСОВА

*На мне года гнущих впечатлений
Оставили неизгладимый след...*

(Из стих. «Неизвестному другу»)

*Ты сосчитал на солнце пятна
И проглядел его лучи!..*

(А. Л. Боровиковский)

Личность поэта вызывала различное к себе отношение. Деспотизм отца — в детстве; отчаянная борьба за существование, ставившая Некрасова лицом к лицу с призраком голодной смерти — в юности; «молодые годы», убитые, по словам поэта, «под тяжестью труда», труда непокорного, до крайности изнурительного: постоянный гнет невежественной и придирчивой царской цензуры; трудности положения журналиста дореволюционного времени; неустойчивость здоровья — все это, конечно, не могло не наложить своего отпечатка на личность Некрасова, на его характер. Временами он производил впечатление человека мрачного, угрюмого, сурового, даже жесткого. Однако эти черты составляли лишь внешнюю, оболочку его личности. Внутренне же Некрасов был совсем иным человеком. И это хорошо было известно тем, кто находился с ним в сколько-нибудь близких отношениях.

Чрезвычайно интересны суждения о личности Некрасова И. А. Панаева (двоюродного брата соредактора Некрасова по «Современнику» — И. И. Панаева), который заведывал конторой журнала и постоянно общался с Некрасовым.

«Это был человек мягкий, добрый, независтливый, щедрый, гостеприимный и совершенно, — как говорится, простой. Обстоятельства сложились так, что ему почти всю жизнь пришлось проводить в полуофициальных кругах. Это не была его естественная среда, потому что в ней он не мог чувствовать себя свободным: внутренние движения были связаны, женированы^[24], сердце сжато. Вследствие этого, несмотря на врожденные мягкость, снисходительность и простосердечие, внешние

приемы казались иногда сухими, угловатыми, и от них как бы веяло холодом...

Приходя к Некрасову в такие недобрые минуты, бывало, сидишь у него несколько времени молча... А потом, вскоре, снег растает, и растает непременно... Чувствовать обиду, как бы наносимую холодностью приема, тому, кто знал характер Некрасова, было невозможно. Но не все были ему близки, а потому нет ничего удивительного, что многие судили о нем, как о человеке неприветливом и холодном. Не знали многие и того, что Н. А. Некрасов не пользовался полным здоровьем и долго думал себе так, как когда-то выразился:

*Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив...*

Нервы у него были сильно расшатаны; особые обстоятельства его грустной молодости, известные его близким, не могли не отзываться на настроении духа.

Да, повторяю еще раз: это, в сущности, был простодушный человек — человек с настоящею примитивною русскою натурою, — веселый и грустный, способный увлекаться, не рассчитывающий на завтрашний день и живущий этим русским «авось», на которое мы часто негодуем, но в глубокий смысл которого никогда не вникаем...

Жизнь полуофициальная, жизнь в Петербурге была его искусственной жизнью. Истинная натура его проявлялась при другой обстановке — проявлялась в кругу близких, простых людей, ничего от него не ожидающих, кроме его доброго расположения и не состоящих с ним в каких бы то ни было деловых отношениях. Летом он, обыкновенно, уезжал в деревню. Там он уходил из дома, и иногда на несколько дней, охотился со своими приятелями крестьянами-охотниками, проводя дни и ночи с ними и ночуя по разным деревням, в крестьянских же избах. Вот в этой-то среде, я уверен, он, как говорится, был в своей тарелке, — веселый, свободный, неженированный и бодрый. Я видел его по возвращении из таких странствований по лесам и болотам, продолжавшихся несколько дней, довольного, свежего-и в самом хорошем расположении духа...».

В полном соответствии с высказываниями Панаева стоят и воспоминания о Некрасове крестьян, с которыми поэт поддерживал дружбу до последних дней своей жизни.

Неизменный товарищ Некрасова по охоте, крестьянин деревни Орлове

Ярославской губ., Кузьма Ефимович Солнышков, говорил: «Хороший барин был Николай Алексеевич, добрый, ласковый, необидчивый, за всех заступник, не найдешь другого такого».

Так же отзывались о поэте и его приятели из крестьян деревни Чудовская Лука Новгородской губернии, где находилась охотничья усадьба Некрасова, в которой он часто и подолгу жил в последние десять лет своей жизни.

«Не барин был, а душа родная!.. Добрейший был барин до народа... Все его знали и любили».

«А никогда не было лучше и веселей охоты, как с покойным нашим батюшкой — царство ему небесное — Николай Алексеевичем Некрасовым...»

Чем же умел Николай Алексеевич так привораживать к себе крестьян, что через 25–35 лет после его смерти они вспоминали о нем с такою необыкновенною теплотою? Здесь, прежде всего, сказывалась удивительная щедрость поэта. Каждую, даже ничтожную, оказанную ему услугу он оплачивал, не жалея денег, а кроме того, с готовностью помогал всякому нуждающемуся, с которым сталкивал его случай. Притом все это выходило у него удивительно просто.

«Раз у меня лошадь околела... — вспоминал старик из Чудовской Луки, Петров. — Что, говорит; Степан Петрович, у тебя беда? Ты приходи, говорит, возьми у меня рыжего. А не понравится — Сеньку возьми. А рыжий-то у него 120 рублей даден. Ну, взял я рыжего...»

И не только как «благодетеля» любили крестьяне Некрасова. Их привлекло к нему в высшей степени внимательное и участливое отношение к их жизни со всеми ее горестями и радостями. Некрасов во время своих охотничьих разъездов «часто устраивал привалы и всегда около дороги, и всех проезжих и прохожих останавливал, кормил, поил вином, и долго и подробно расспрашивал о жизни их, о господах, о податях... Проезжая деревней, иногда останавливался на отдых или собак кормить, сам уходил к кому-нибудь в избу, просил приготовить чай, усаживал всех за стол и сам с ними разговаривал, расспрашивал, как живут, шутил, играл с детьми, и если через несколько лет случайно попадал в тот же дом, то со всеми здоровался, как со старыми знакомыми — называл всех по именам». (Ярославская газета «Северный край», декабрь 1902 г.).

Неудивительно поэтому, что крестьяне чувствовали в Некрасове своего, «родного» им человека. Этим объясняются и близость, установившаяся между некоторыми из них и поэтом, и та теплота, с которой крестьяне о нем вспоминали.

И воспоминания современников, столь близко знавших Некрасова, как знал его И. А. Панаев, как знали его друзья-крестьяне, и основные факты его литературно-общественного служения позволяют утверждать, что личность Некрасова заслуживает и уважения и сочувствия. Его недостатки, — а у кого, в конце концов, их не бывает? — непомерно преувеличивались его врагами. А врагов у Некрасова, громившего и в своих стихах и на страницах своих журналов помещиков-крепостников, чиновников-взяточников, реакционных сановников, чванливых аристократов, неискренних и двоедушных российских либералов-соглашателей, — было немало! Среди них находились люди, не останавливавшиеся перед заведомой клеветой, лишь бы уронить в общественном мнении личность свободолюбивого поэта-демократа. Об этих «судьях» Некрасова не плохо сказал один из его современников поэт Боровиковский:

*Когда его венчают славой, —
Ты, непреклонный моралист,
Суешь нам с миной величавой
Его ошибок «скорбный лист».*

*Твоя нам логика понятна, —
Не проповедуй, — замолчи,
Ты сосчитал на солнце пятна —
И проглядел его лучи...*

СЛАВА ПОЭТА

Его слава будет бессмертна... вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов.

(Н. Г. Чернышевский.)

Слава приходит к великим людям по-разному: к одним — при жизни, к другим — после смерти. К Некрасову слава пришла при жизни, но всенародной славой она стала только в нашу, советскую эпоху.

Уже в 40-х-50-х годах, как только поэт вышел на дорогу самобытного творчества, «светочи русского общественного самосознания» — Белинский, Чернышевский и Добролюбов — дали очень высокую оценку его поэтическому дарованию.

Имя «истинного поэта» было присвоено Некрасову Белинским. Прочитав его стихотворение «В дороге», он восторженно воскликнул: «Да знаете ли Вы, что Вы — поэт и поэт истинный!»

Еще дальше в оценке поэзии Некрасова пошел Чернышевский. В письмах к Некрасову от 20 сентября и 5 ноября 1856 года он писал: «Первое место в нынешней литературе публика присваивает Вам... Истинно у Вас огромный талант... Есть ли что невозможное для Вас, есть ли высота, недоступная для Вас?!».

К оценке Некрасова Белинским и Чернышевским несколько позже примкнул Добролюбов. В 1860 году, в письме к Некрасову^[25], он называет его «любимейшим русским поэтом, представителем добрых начал в нашей поэзии, единственным талантом, в котором есть теперь жизнь и сила...»

А. И. Герцен также очень ценил его как поэта. В 1856 году Герцен писал Тургеневу: «Я находил и нахожу в нем талант... В его стихотворениях есть такие превосходные вещи, что не ценить их было бы тупосердие». А в 1860 году, напечатав в «Колоколе» запрещенное царской цензурой стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда», Герцен в особом примечании говорил: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить...».

Характерны в этом отношении и высказывания Д. И. Писарева. В статье 1861 года «Писемский, Тургенев и Гончаров», нападая на наших лириков «за отсутствие внутреннего содержания», за неспособность

«стоять в уровень с идеями века», Писарев делает решительное исключение для Некрасова. «Некрасова, как поэта, — пишет Писарев, — я уважаю за его горячее сочувствие к страданиям простого человека, за честное слово, которое он всегда готов замолвить за бедняка и угнетенного. Кто способен написать стихотворения «Филантроп», «Эпилог к ненаписанной поэме»^[26], «Еду ли ночью по улице темной», «Саша», «Живя согласно с строгою моралью», — тот может быть уверен в том, что его знает и любит живая Россия..»

Не только критики, но и многие из выдающихся представителей русской художественной литературы ставили поэзию Некрасова очень высоко.

В письме к Белинскому от 14-го ноября 1847 года Тургенев писал: «Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке меня совершенно с ума свело. Денно, и ночью твержу я это удивительное произведение и уже наизусть выучил». Через несколько лет в письме к самому Некрасову (от 18 ноября 1852 г.) Тургенев опять-таки дал очень высокую оценку его стихам, утверждая, что они не только «отличные», но и «напоминают пушкинскую фактуру».

В первом случае речь идет о стихотворении «Еду ли ночью по улице темной», во втором — о стихотворении «Муза», т. е. о стихотворениях, чрезвычайно характерных для творчества Некрасова.

Полны благородного достоинства слова А. Н. Островского в письме к Некрасову, относящемся к 1869 году. Великий драматург писал: «Мы с вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без шаблонного западничества и без детского славянофильства...»

Кратко, но оригинально и метко отозвался о Некрасове Г. И. Успенский: «Необыкновенный это человек. Я с ним без волнения говорить не могу... И что такое мы пишем? Зачем? А вот, он... одним взглядом всю душу перевернет... все внутри заработает..»

Так было при жизни поэта.

Со смертью слава его не померкла, хотя Некрасов и опасался этого^[27].

Похороны Некрасова, были похоронами великого человека. Речь Ф. М. Достоевского, произнесенная на могиле поэта, еще раз подчеркнула место и значение Некрасова в русской литературе и его заслуги перед русским народом. Достоевский говорил «Некрасов заключил собой ряд тех поэтов, которые приходили со своим «новым словом»... В этом смысле он должен стоять прямо за Пушкиным и Лермонтовым... У него была своя

своеобразная сила в душе, не оставлявшая его никогда, — это истинная, страстная, а, главное, непосредственная любовь к народу. Он болел о страданиях его всей душой, но видел в нем не один лишь униженный рабством образ... но смог силой любви своей постичь почти бессознательно и красоту народную, и силу его, и даже частию уверовать в будущее предназначение его... Сердцем своим, великим поэтическим вдохновением своим он неудержимо примыкал, в иных великих стихотворениях своих, к самой сути народной. В этом смысле это был народный поэт...».

Эти же мысли нашли свое отражение и в посвященных усопшему стихах.

*Поэт и гражданин, он призван был учить,
В лохмотьях нищеты живую душу видеть.
Самоотверженно страдающих любить
И равнодушных ненавидеть...*

(Я. П. Полонский)

*Слагал он песнь и в песне той
Поэт о скорби пел народной.
Чел о желанных, лучших днях,
Народа прозревая силы..
И песнь его в людских сердцах
К неправде ненависть будила...
Он смолк... Его не слышать нам...
Он в песнях, полных вдохновенья.
Он юным завещал певцам
Народу честное служенье...*

(А. Н. Плещеев)

К концу девятнадцатого и началу двадцатого веков экономическая и социально-политическая обстановка в нашей стране существенно изменилась. В общественной жизни возникли новые течения, в литературе и искусстве появились новые направления. Но имя Некрасова не теряло своей популярности. В 1902 году вся передовая Россия дружно и с

подъемом отметила 25-летие кончины Некрасова.

К этому, примерно, времени относятся представляющие незаурядный интерес высказывания о Некрасове великого русского художника Репина, поэтов Брюсова, Блока.

Репин, отвечая на анкету одной московской газеты, писал:

«Прямой наследник Гоголя — он был честным рыцарем святого долга заступничества за угнетенных... Поэт истинно русский. У него зычный голос, меткий язык и живой, здравый ум с сарказмом ко всякой несправедливости. Правда — девиз этого рыцаря... В мире поэзии он представляется мне бронзовой статуей в колоссальную величину... Сколько бы ни иронизировали эстеты, скептически гримасничая над поэзией Некрасова, воспитательное значение поэта-гражданина велико и вечно.

По словам В. Я. Брюсова: «У Некрасова самобытный склад стихотворной речи, свои, ему одному известные, размеры и рифмы: это внешние, но безошибочные признаки истинного дарования. Некрасовские стихи легко узнать без подписи: у него свое лицо... После Пушкина и Лермонтова Некрасов запел на особый лад, не подражая своим учителям, — что тоже доступно только большим дарованиям. Некрасов сумел найти красоту в таких областях, перед которыми отступали его предшественники. Его сумрачные картины северного города могут посоперничать с лучшими страницами Бодлера... Как никто смел Некрасов пользоваться образами русского сказочного мира. В описаниях природы он достигает иногда почти тютчевской зоркости..»

Из суждений о Некрасове яркого представителя младшего поколения символистов. Андрея Белого, явствует, что он видел в нем первоклассного художника: недаром он сопоставляет его с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым и ставит его в один ряд с Гоголем, Достоевским и Толстым.

Александр Блок неоднократно в личных беседах с автором этих строк выражал свое восхищение поэзией Некрасова, а также отразил его влияние в целом ряде своих произведений.

Много позднее, тот поэт, кого товарищ Сталин назвал «лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», — В. В. Маяковский, по свидетельству Л. Ю. Брик, «не переставал удивляться своему сходству с Некрасовым». Цитируя некрасовские стихи —

*Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род Пуховика.
Пьедесталом служит уху*

Ожиревшая щека, —

он восклицал: «Неужели это не я писал?!» В стихотворении «Юбилейное» Маяковский «Некрасова Колю, сына покойного Алеши» называет «мужиком хорошим», подчеркивая тем самым его органическую связь с народом, и признает его достойной «компанией» для Пушкина... и для себя^[28].

Особое и исключительно важное значение имеет оценка поэзии Некрасова В. И. Лениным. Ленин искренно любил и высоко пенил поэзию Некрасова. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская рассказывает, что, будучи в ссылке, Владимир Ильич положил около своей кровати рядом с Гоголем — Пушкина, Лермонтова и Некрасова, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь, а находясь в эмиграции, он чуть не наизусть выучил Некрасова.

В литературном наследии Ленина имеется большое количество ссылок на Некрасова, выдержек из его стихотворений. Особый интерес представляют упоминания о Некрасове в статьях «Памяти гр. Гейдена» и «Еще один поход на демократию». Из этих упоминаний следует, что Ленин отводил Некрасову место в ряду таких великих писателей-демократов, как Чернышевский и Салтыков-Щедрин, которые видели свое назначение в защите народных интересов, а также в разоблачении «хищных инстинктов», «лицемерия и бездушия» представителей эксплуататорских классов.

Нет сомнения, что Ленина более всего привлекал в поэзии Некрасова ее органический демократизм, определивший не только ее содержание, но и форму. Сущность взглядов Ленина на искусство сводилась в тому, что искусство призвано обслуживать весь народ. «Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединить чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их». Творчество Некрасова удовлетворяло всем этим требованиям, — вот почему Ленин так любил и ценил это творчество.

Исчерпывающую характеристику Некрасова, как поэта, дал А. В. Луначарский. «Некрасов, — пишет Луначарский, — *гражданский* поэт, но это гражданский *поэт*, в том-то и вся сила. Слабые поэты с сильным гражданским чувством заслуживают уважения, но редко приносят пользу. Прежде всего искусство должно быть искусством, то есть должно, по слову

Льва Толстого, заражать душевным переживанием художника, зажигать нашу душу духовным его пламенем. Для этого нужны две вещи. Нужно, прежде всего, чтобы в душе художника горело это пламя, чтобы его переживание было выше наших переживаний... Это первое условие. Оно целиком выполняется Некрасовым. Его лиризм горяч, горек, величествен, глубок.

Но этого еще мало для того, чтобы быть великим художником. Можно представить себе великую душу, полную прекрасных страстей и ярких мыслей, но неспособную передать их в образах, словно порван провод, замыкающий ток между душой автора и душой читателя, — можно быть Рафаэлем без рук. Ничего подобного у Некрасова. Его произведения как нельзя больше адекватны его мысли. С самого начала он всем понятен, все его подхватывают, все его прочитывают, все его заучивают наизусть, все его поют... Стихи Некрасова недостаточно гладки. А кто сказал, что гладкость стиха есть неперемненное достоинство? Кто это доказал, что об ужасах жизни парода надо непременно писать гладкими стихами?.. Разве надо зализывать до степени салонной акварели портреты чудовищной действительности? Какие это пустяки... То, что сам Некрасов принимал за неуклюжесть своего стиха, было поистине только его суровостью».

Подчеркивая исключительную певучесть стихов Некрасова, Луначарский переходит от лирики к эпосу и характеризует его словами: «Некрасов создает типы, которые поселяются в нас раз навсегда. Некрасов дает нам пейзажи непревзойденной убедительности. Некрасов рисует перед нами картины, которые словно стоят перед нами воочию. И он дает это не только как реалист, превосходна, незабвенна и фантастика Некрасова. Достаточно только вспомнить взлет народной фантастики в появлении воеводы Мороза...»

Концовка статьи Луначарского проникнута глубокой эмоциональностью: «Рыдая, грозя, он поднял рыдания и угрозы до степени высокой музыкальной и живописной красоты и ни на минуту их не ослабил... Не принижая ни на минуту ни великих алтарей Пушкина и Лермонтова, ни более скромных, но прекрасных памятников Алексея Толстого, Тютчева, Фета и других, мы все же говорим — нет в русской литературе такого человека, пред которым с любовью и благоговением склонялись бы ниже, чем перед памятью Некрасова».

Некрасов по праву занимает одно из первых мест в русской классической литературе XIX века.

В его вдохновенном творчестве высота художественного уровня гармонически сочеталась с глубиной общественного смысла.

Только поэту огромного таланта было под силу создать столь художественно совершенную форму, какова форма лучших стихотворений Некрасова.

Его язык выразителен и сочен; его стиль ярок и красочен; его образы навсегда врезаются в память, ибо, отличаясь жизненностью и правдивостью, свидетельствуют об умении художника подмечать в окружающей жизни наиболее характерные черты; эти образы нередко перерастают в типы огромного социального захвата. Жизненностью, типичностью, правдивостью отличаются и картины быта, которых так много у Некрасова. Как художник-пейзажист он неизменно проявляет себя великим мастером, природа в его пейзажах, поистине, живет и дышит.

Своей высокой художественностью произведения Некрасова обязаны не только его таланту. Некрасов принадлежал к типу строгих, взыскательных к себе художников слова. Он много и напряженно работал над формой своих произведений, ибо отчетливо сознавал, что даром ничто не дается.

*Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.
Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно.
Мыслям — просторно.*

Некрасов имел право обратиться с таким советом-требованием к своим собратьям по перу, ибо именно так сам работал, о чем свидетельствуют черновики его прозаических и, в особенности, поэтических произведений.

Но Некрасова подлинно великим поэтом сделала не только высокая художественность его стихов. Его величие как поэта не в меньшей степени зависело от того, что в эту художественно совершенную форму он вкладывал необыкновенно глубокое общественное содержание.

На протяжении всего своего творческого пути Некрасов сохранял верность той теме, которая, бесспорно, является самой важной из всех мыслимых тем. Эта тема — народ. В народной революции он видел путь к счастью:

*Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу народного горя
Всю расплещи!..*

В стихотворении «Горе старого Наума» нашла выражение никогда не оставлявшая поэта вера в то, что, как ни тяжело живется народу в настоящем, но будущее — за ним!

*... я дожил до седин.
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провизжу я начало
В случайной жизни берегов
Моей реки любимой
Освобожденный от оков.
Народ неутомимой*

*Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни,
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине
Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечей бодрый труд
Над вечною рекою...
Мечты!.. Я верую в народ...*

Когда «мечты» Некрасова исполнились, когда русский народ проложил себе дорогу к счастливой и свободной жизни, и наступило то время, о котором вдохновенно пророчествовал Белинский: «Завидуем внукам и правнука» нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 г. — стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке, и искусству, и

принимавшую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества», — слава Некрасова, поистине, стала всенародной.

В годы Великой Отечественной войны особенно сильно почувствовалось, как близок Некрасов нашему народу, близок, дорог и нужен.

В период наиболее тягостных испытаний, когда фашисты воображали себя победителями, — чрезвычайно широкий общественный резонанс приобрели стихи Некрасова, выражавшие страстную веру поэта в несокрушимость как физической, так и нравственной мощи народа. Некрасовские образы героев народной среды — героев труда, героев борьбы за свободу, — воспринимались, как жгуче современные. Не в меньшей степени это относится к образам некрасовских героев-борцов с иноземными захватчиками, каковы, например, образ героя 1812 года генерала Волконского (в поэме «Русские женщины») или образы героических защитников Севастополя (в поэме «Тишина»).

Великий Сталин сказал: «Только народ бессмертен. Все остальное преходяще».

Певец бессмертного народа — Некрасов — увенчан бессмертной славой...

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Н. А. Некрасов в молодые годы

Дом на Литейном пр., в котором помещалась (в квартире Некрасова) редакция «Современника» и «Отечественных записок».

Некрасов и Панаев у больного Белинского.

Зинаида Николаевна Некрасова

Похороны Некрасова

Приложение 1

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ,

ЖУРНАЛЬНОЙ И ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

НЕКРАСОВА

(Хронологическая канва)

1817 г.

Ноябрь, 11. Бракосочетание 28-го егерского полка поручика Алексея Сергеевича Некрасова с дочерью титулярного советника Заправского, Еленой Андреевной, — в местечке Юзвине Подольской губернии.

1821 г.

Ноябрь, 22. Рождение Н. А. Некрасова в одном из местечек Подольской губ.

1824 г.

А. С. Некрасов, в чине майора, выходит в отставку и вместе с семьей переезжает на жительство в родное имение — село Грешнево Ярославской губернии.

1828 г.

Первые стихи Некрасова: «Любезна Маменька, примите сей слабый труд...»

1832 г.

Август. Андрей^[29] и Николай Некрасовы приняты в 1 класс Ярославской гимназии.

1834 г.

Декабрь. Некрасов не посещает гимназии по болезни.

1835 г.

Январь-февраль. Некрасов продолжает болеть. Весна. Не выдержав переходных экзаменов, Некрасов остался на второй год в V классе.

1838 г.

Июль, 20. Некрасов, с согласия отца, уезжает в Петербург, чтобы поступить в одно из военно-учебных заведений — Дворянский полк.

Июль, конец. Приезжает в Петербург, но вместо того, чтобы поступить в Дворянский полк, начинает готовиться к экзаменам в Университет.

Сентябрь. В № 5 журнала «Сын отечества» (редакции Н. А. Полевого) напечатано стихотворение «Мысль» (печатный дебют Некрасова).

1839 г.

Июль, 25. Этим числом помечено цензурное разрешение на выпуск сборника Некрасова «Мечты и звуки».

1840 г.

Начало года. Некрасов приступил к печатанию сборника «Мечты и звуки». Около этого времени состоялось его свидание с поэтом В. А. Жуковским, который посоветовал ему снять свое имя с обложки.

Февраль. Ф. А. Кони привлек Некрасова к сотрудничеству в «Пантеоне русского и всех европейских театров». Некрасов напечатал в № 2 этого журнала сатирическое стихотворение «Провинциальный подъячий в Петербурге» (под псевдонимом «Феоклист Боб»).

Июнь. В № 5 «Пантеона» появляется, под псевдонимом Н. Перепельского, рассказ Некрасова «Макар Осипович Случайный» (первое печатное выступление Некрасова в прозе).

Октябрь. В № 9 «Пантеона» напечатан, не лишенный автобиографических черт, рассказ «Без вести пропавший пиита».

1841 г.

Январь. Началось сотрудничество Некрасова в другом издании Ф. А. Кони — «Литературная газета».

Февраль, 24. В Александрийском театре поставлен водевиль Н. Перепельского «Шила в мешке не утаишь, — девушки под замком не удержишь» (дебют Некрасова как водевилиста).

Июнь, 29. Смерть в с. Грешнево матери Некрасова.

Август, 1–2. Приезд Некрасова в Грешиево (через три дня после смерти матери).

Август-сентябрь. Начало сотрудничества Некрасова в журнале Краевского «Отечественные записки» (руководящим сотрудником которого был Белинский).

Октябрь, 13. Первое представление водевиля Н. Перепельского «Актер».

1841–1842 гг.

Знакомство Некрасова с В. Г. Белинским.

1842 г.

Лето. Увенчались успехом хлопоты Некрасова у И. И. Панаева (через графа Соллогуба) об освобождении Герцена из новгородской ссылки.

Сентябрь, 19. Первое представление драмы «Материнское благословение или бедность и честь» (переделка с французского).

1843 г.

Февраль. Начало издательской деятельности Некрасова: 1-й выпуск сборника «Статейки в стихах без картинок». В этом сборнике, под псевдонимом Ф. А. Белопяткина, помещен стихотворный фельетон Некрасова «Говорун».

Июль. Выходит 2-й выпуск сборника «Статейки в стихах» (с продолжением «Говоруна»).

Лето-осень. Работа Некрасова над его первым романом; «Жизнь и похождения Тихона Тросникова».

Ноябрь. Одна из глав романа о Тросникове помещена в № 11 «Отечественных записок» в виде отдельного рассказа — «Необыкновенный завтрак».

1844 г.

Апрель, 4. Рассказ «Петербургские углы» (одна из глав романа о Тросникове) запрещен С.-Петербургским цензурным комитетом.

Ноябрь. Цензурное разрешение 1-й части изданного Некрасовым сборника «Физиология Петербурга»; в ней напечатан рассказ Некрасова «Петербургские углы», вызвавший вскоре очень сочувственный отзыв Белинского.

1845 г.

Январь. Цензурное разрешение 2-й части сборника «Физиология Петербурга»; в ней помещено стихотворение Некрасова «Чиновник», также одобренное Белинским.

Май. Григорович передал Некрасову рукопись повести Достоевского «Бедные люди», настолько понравившейся Некрасову, что тотчас после ее прочтения, глубокой ночью, он пришел вместе с Григоровичем к автору, чтобы выразить ему свой восторг.

Июнь, 1. Первое представление водевиля «Петербургский ростовщик». В этом же месяце Некрасов гостит у Герцена в усадьбе Соколово под Москвой.

1846 г.

Январь, 12. Цензурное разрешение изданного Некрасовым альманаха «Петербургский сборник», в котором напечатаны его стихотворения: «В дороге», «Пьяница», «Отрадно видеть», «Колыбельная песня».

Январь-февраль. Письмо Герцена к Некрасову с похвалами его стихам в «Петербургском сборнике».

Февраль, 13. (II Отделение поднимает вопрос о предосудительности содержания стихотворения «Колыбельная песня». В результате объявлен выговор цензору, пропустившему это стихотворение.

Март, 5. Цензурное разрешение на изданный Некрасовым сборник «Первое апреля».

Май — июнь. Во время пребывания Некрасова и четы Панаевых в Казанской губ., в имении Г. М. Толстого, ими принято решение издавать журнал.

Октябрь, 23. Заключен нотариальный договор между И. И. Панаевым и П. А. Плетневым об аренде «Современника».

1847 г.

Январь, 1. Выход № 1 «Современника» под новой редакцией. В этом номере помещено стихотворение Некрасова «Тройка».

Февраль. В № 2 «Современника» напечатано стихотворение Некрасова «Псовая охота».

Сентябрь. В № 9 «Современника» помещено стихотворение Некрасова «Еду ли ночью по улице темной».

1848 г.

Февраль-март. В связи с февральской революцией во Франции правительство Николая I обрушивает ряд жесточайших репрессий на

передовую печать. Положение «Современника», на который целый ряд доносчиков с Ф. Б. Булгариным во главе указывает как на журнал крайне «вредного» направления, — становится чрезвычайно тяжелым.

Февраль, 26. Этим числом помечено цензурное разрешение на выход «Иллюстрированного альманаха», объявленного как приложение к «Современнику»; однако выход «Альманаха» был задержан, а в конце года «Альманах» вовсе был запрещен.

Март, середина. В доносе Булгарина в III отделение о Некрасове было сказано: «Некрасов самый отчаянный коммунист... и страшно вопиет в пользу революций».

Март, 29. Некрасов вызван в III отделение.

Май, около 20. Некрасов навещает больного Белинского, за которым уже тщательно следит III Отделение.

Май, 28. Смерть Белинского.

Август-сентябрь. Чтобы заполнить цензурные бреши в тексте журнала, Некрасов в соавторстве с А. Я. Панаевой принимается за сочинение романа «Три страны света», который вскоре появляется на страницах «Современника».

1849 г.

Октябрь, конец. За Некрасовым, по распоряжению III Отделения, установлено секретное наблюдение.

1850 г.

Январь. В № 1 «Современника», за подписью Н. Н. помещена статья Некрасова «Русские второстепенные поэмы», посвященная главным образом Тютчеву.

Март. В № 3 «Современника» помещен рассказ Некрасова «Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и К⁰».

1851 г.

Январь. В № 1 «Современника» начал печататься роман «Мертвое озеро», написанный Некрасовым в соавторстве с Панаевой (печатался в продолжение целого года).

1852 г.

Февраль, 25. Написано навеянное смертью Гоголя стихотворение «Блажен незлобивый поэт», напечатанное в мартовском номере «Современника».

Июль, 3. Этим числом помечено письмо Л. Н. Толстого к Некрасову, в котором он предлагает для «Современника» свою повесть «Детство».

Август, середина. Письмо Некрасова к Толстому с сообщением, что «Детство» будет напечатано в «Современнике».

1853 г.

Март. В № 3 напечатано стихотворение «Последние элегии», пессимистические мотивы в содержании которого навеяны начавшейся болезнью Некрасова.

Осень. Некрасов знакомится с Н. Г. Чернышевским и привлекает его к сотрудничеству в «Современнике».

1854 г.

Март. Учитывая интерес общества к разгорающейся Восточной войне, Некрасов и Панаев пытаются добиться разрешения на помещение в журнале военных обзоров и политических известий, но получают отказ.

1855 г.

Январь. В № 1 «Современника» появляются стихотворения Некрасова «Застенчивость». «Несжатая полоса» и повесть «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» (осталась незаконченной).

Май, 1. Некрасов закончил поэму «Саша».

Июнь. Здоровье Некрасова настолько ухудшилось, что друзья считают его «приговоренным к смерти».

Ноябрь, 28. Личное знакомство Некрасова с Л. Н. Толстым тотчас же после приезда последнего из Севастополя в Петербург.

1856 г.

Март-апрель. Заключено «обязательное соглашение» с Тургеневым, Толстым, Островским и Григоровичем об «исключительном сотрудничестве» их в «Современнике», начиная с 1857 года.

Июнь. В сборнике «Для легкого чтения» напечатаны «деревенские сцены» Некрасова — «Осенняя скука» (драматизация одной из глав романа «Три страны света»).

Июль, 22. Письмо Некрасова к Толстому, в котором он защищает Чернышевского от нападок Толстого и доказывает ему, что современная русская действительность не может не вызывать «злости» «когда мы начнем злиться, тогда будем лучше, — т. е. больше будем любить не себя, а свою родину».

Август, 10. Перед отъездом за границу (с лечебными целями) Некрасов передает Чернышевскому свои редакторские функции по «Современнику».

Август, 11. Отъезд Некрасова за границу (Берлин, Вена, Венеция, Флоренция, Рим).

Сентябрь. Встреча в Венеции с Панаевой и возобновление прерванных отношений с ней.

Октябрь, середина. Вышла из печати и поступила в продажу изданная К. Солдатенковым и Н Щепкиным книга «Стихотворения Н. А. Некрасова».

1857 г.

Январь. Некрасов приезжает из Италии в Париж, где находится в ближайшем общении с Тургеневым.

Июнь, 28. Некрасов возвращается из-за границы и поселяется на даче под Петергофом.

Сентябрь. В № 9 «Современника» напечатана поэма Некрасова «Тишина».

Осень. Н. А. Добролюбов становится постоянным сотрудником «Современника» и все ближе и ближе сходится с Некрасовым.

1858 г.

Февраль. В № 2 «Современника» напечатан «Эпилог ненаписанной поэмы», впоследствии переименованной автором в «Несчастные».

Февраль-март. Некрасов официально извещает участников «обязательного соглашения» о расторжении соглашения, как не оправдавшего себя.

1859 г.

Январь. В № 1 «Современника» напечатано начало цикла «О погоде».

Апрель, 22. И. А. Гончаров, состоявший в то время цензором С.-Петербургского цензурного комитета и связанный с Некрасовым сотрудничеством в «Современнике» еще в 40-е годы, официально возбуждает вопрос о разрешении нового издания «Стихотворений Н. А. Некрасова».

Сентябрь. В № 9 «Современника» напечатана «Песня Еремушке», этот «боевой гимн» революционных шестидесятников, вызвавший восторженный отзыв Добролюбова.

1860 г.

Январь, 3/15. В № 21 «Колокола» напечатано запрещенное в России стихотворение «Размышления у парадного подъезда».

Январь, 10. Первый публичный вечер в пользу «Литературного фонда». Некрасов читал «Блажен незлобивый поэт» и «Еду ли ночью по улице темной», но отказался прочесть стихотворение «Филантроп» (хотя об этом было объявлено в афише), не желая обидеть кн. В. Ф. Одоевского, который усмотрел в содержании стихотворения намеки на свою благотворительную деятельность. С этого времени Некрасов постоянно стал выступать в качестве чтеца на вечерах в пользу «Литературного фонда».

1861 г.

Январь. В № 1 «Современника» напечатаны стихотворения «На Волге» и «Плач детей».

Январь, 21. Чернышевский в письме к Добролюбову сообщает, что Некрасов «решил делить доход с «Современника» на четыре части: Вам, мне, Некрасову и Панаеву».

Февраль, 27. Под впечатлением смерти Тараса Шевченко (26 февраля) Некрасов пишет стихотворение «На смерть Шевченко», не появившееся при жизни его автора (по цензурным мотивам) в печати.

Февраль, 28 Некрасов присутствует на похоронах Шевченко.

Март, 5. В этот день состоялось объявление манифеста об «освобождении крестьян» (19 февраля 1861 г.). Чернышевский, посетив Некрасова утром, застал его в большом волнении, возвещенная манифестом «воля» крайне разочаровала его.

Апрель, 1. Главное управление цензуры, вопреки мнению министра народного просвещения, постановило разрешить новое издание «Стихотворений Некрасова».

Май, 4. Цензурное разрешение на 2-ое издание «Стихотворений Некрасова», в которое, по сравнению с изданием 1856 года, вошло много новых стихотворений.

Ноябрь, 7. Цензурное разрешение первого выпуска «Красных книжек» — особого издания, предпринятого Некрасовым в целях популяризации его произведений среди народа. В этот выпуск вошла только-что написанная Некрасовым поэма «Коробейники». На третьем выпуске издание это, распространявшееся через книгонош, было запрещено цензурой.

Ноябрь, 20. Выступление Некрасова с речью на похоронах Добролюбова.

Декабрь, 1. Агентурное донесение о наблюдении за Чернышевским; в

числе лиц, особенно близких Чернышевскому, назван Некрасов.

Декабрь, 14. После объявления судебного приговора поэту М. И. Михайлову (каторжные работы) Некрасов посетил его в крепости.

1862 г.

Январь, 2. На вечере в пользу недостаточных студентов Некрасов читает стихотворения Добролюбова и посвященное ему свое стихотворение («Ты схоронен в морозы трескучие.»).

Февраль, 12. Некрасов избран в члены Комитета Литературного фонда.

Март, 21. Некрасов утвержден единоличным редактором-издателем «Современника».

Апрель. Письмо к председателю Цензурного комитета Цез с отказом напечатать в «Современнике» предложенный им перевод французской книги Сюдра, содержащей «опровержение социальных утопий».

Июнь, 19. В связи с усилением реакции, вызванным появлением революционных прокламаций и петербургскими пожарами. «Современник» запрещен правительством на 8 месяцев.

Июль, 3/15. Герцен в № 139 «Колокола» выражает готовность издавать «Современник» в Лондоне.

Ноябрь, 26–28. Некрасов спешно выезжает в Ярославль. получив телеграмму о тяжелой болезни отца.

Ноябрь, 30. Смерть отца Некрасова.

1863 г.

Февраль. В № 1–2 «Современника» напечатано стихотворение «Бессонница» («Рыцарь на час»), В этом же месяце поступило в продажу 3-е издание «Стихотворений Некрасова», в которое удалось включить запрещенное ранее стихотворение «Размышления у парадного подъезда».

Март, 21. Некрасов приобрел у Голицыных небольшое имение Карабиха (близ Ярославля).

Апрель, 16. Некрасов посещает шефа жандармов А. А. Потапова, чтобы вручить полученное им коллективное письмо группы политзаключенных, устанавливающее, что один из главных свидетелей обвинения против Чернышевского — лжесвидетель.

Октябрь. Цензура запретила стихотворение «Орина, мять солдатская», предназначенное для № 10 «Современника».

1864 г.

Январь. В № 1 «Современника» напечатана поэма «Мороз Красный

Нос».

Май. В начале месяца поступило в продажу 4-ое издание «Стихотворений Некрасова» (в трех частях) в издании книгопродавца С. В. Звонарева.

Май, 6. Цензура запретила стихотворение Некрасова «Железная дорога».

1865 г.

Октябрь. В № 8 «Современника» напечатано стихотворение Некрасова «Газетная», в резко сатирическом плане изображающее цензора.

Ноябрь, 11. Цензурой объявлено первое предостережение «Современнику». В этот же день выше и № 10 «Современника» со стихотворением Некрасова «Железная дорога».

Декабрь, 5. «Современнику» цензурой объявлено второе предостережение, одним из мотивов которого являлась «предосудительность» стихотворения «Железная дорога».

1866 г.

Январь. В № 1 «Современника» напечатано начало поэмы «Кому на Руси жить хорошо» («Пролог»).

Март, 3. Вышел № 3 «Современника» со стихотворным циклом «Песни о свободном слове» (иронический отклик Некрасова на новый, якобы либеральный, закон о печати).

Апрель, 4. Неудавшееся покушение революционера Дм. Каракозова на Александра 11, вызвавшее крайнее усиление реакции.

Апрель, 5. Некрасов получает сведения о готовящемся запрещении «Современника».

Апрель, 28–30. Арестован ближайший сотрудник «Современника» и соредактор Некрасова Г. З. Елисеев. Узнав об этом, Некрасов явился на квартиру Елисеева и был на некоторое время задержан хозяйничавшими в ней жандармами.

Май, 22–23. Некрасов уехал в Карабиху.

Июнь, 1. Замешавший Некрасова на посту редактора «Современника» А. Н. Пыпин получает извещение об окончательном прекращении «Современника».

Июнь, 16. Главное управление по делам печати постановило предать суду автора напечатанной в «Современнике» статьи «Вопрос молодого поколения» — Ю. Г. Жуковского и ответственного редактора журнала — Пыпина.

Август, 22. Некрасов, узнав о предстоящем суде над Жуковским и Пыпиным, в письме к последнему изъявляет готовность принять ответственность на себя.

Октябрь, 4. С.-Петербургская судебная палата, разобрав дело Жуковского и Пыпина, постановила подвергнуть их штрафу (по 100 руб.) и трехнедельному аресту на гауптвахте.

1867 г.

Июль. 4–5. В Карабихе у Некрасова гостит А. Н. Островский, давний и усердный сотрудник «Современника».

Декабрь, 8. Этим числом помечен нотариальный договор между Некрасовым и Краевским об «Отечественных записках», по которому фактическая редакция журнала переходила в руки Некрасова и приглашенных им лиц, а издателем журчала оставался Краевский.

1868 г.

Январь. Сформирована редакция «Отечественных записок» в составе Некрасова и Елисеева при секретаре В. А. Слепцове. В № 1 «Отечественных записок» напечатаны стихотворения Некрасова «Притча о Киселе», «Выбор» и «Суд».

Февраль. В № 2 «Отечественных записок» помещены стихотворения Некрасова «Дядюшка Яков», «Пчелы», «Генерал Топтыгин» и «Эй, Иван!».

Весна. Некрасов живет на даче в Лигово и приглашает погостить у себя Гончарова, деятельно работающего над окончанием романа «Обрыв».

Июль. Некрасов поручает секретарю редакции В. А. Слепцову поехать в Ригу и привезти тело утонувшего Д. И. Писарева, незадолго перед тем ставшего сотрудником «Отечественных записок». Некрасов пишет стихотворение на смерть Писарева «Не рыдай так безумно над ним».

Сентябрь. В № 9 «Отечественных записок» напечатаны три сцены из «лирической комедии» Некрасова «Медвежья охота».

Ноябрь. Выход в свет трех частей 5-го издания — «Стихотворений Некрасова».

1869 г.

Январь. В № 1 «Отечественных записок» напечатаны «Пролог» и I глава поэмы «Кому на Руси жить хорошо», сразу обратившие недоброжелательное внимание цензуры.

Февраль. В № 2 напечатаны II и III главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Апрель, середина. Отъезд Некрасова за границу (Париж, Интерлакен, Соден, Киссинген, снова Париж, Диепп).

Май, 15. Во время первой побывки в Париже Некрасов встречается с политэмигрантом и членом Интернационала В. А. Зайцевым, беседует с ним на политические темы и привлекает его к сотрудничеству в «Отечественных записках».

Сентябрь, начало. Некрасов возвращается в Петербург.

1870 г.

Начало года. Сближение Некрасова с молодой девушкой «простого званья» Феклой Анисимовной Викторовой, которую он звал «Зинаидой Николаевной», «Зиночкой».

Февраль. В № 2 «Отечественных записок» напечатаны IV и V главы первой части поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Июнь-август. Пребывание Некрасова в Карабихе вместе с Зинаидой Николаевной.

Сентябрь. В № 9 «Отечественных записок» напечатана поэма «Дедушка» с подзаголовком «Посвящается З-и-ч-е» (то есть Зиночке).

1871 г.

Январь. В № 1 «Отечественных записок» помещено стихотворение Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы».

1872 г.

Апрель. В № 4 «Отечественных записок» появляется поэма «Княгиня Трубецкая», но в «испакощенном» (цензурой) виде, по выражению самого Некрасова.

Октябрь, 24. В письме к священнику Зыкову Некрасов выражает согласие принять звание попечителя сельской школы в с. Абакумцеве (близ с. Грешнева), которая была организована на его средства и которую он материально поддерживал до самой смерти.

1873 г.

Январь. В № 1 «Отечественных записок» напечатана поэма «Княгиня Волконская», по поводу которой Некрасов писал своему брату (от 26 февраля): «Моя поэма... имеет такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний... Литературные шавки меня щиплют, а публика читает и раскупает...»

Под влиянием успеха поэмы Некрасов набросал план большой поэмы

о жизни жен декабристов в Сибири, но этот план остался нереализованным.

Февраль. В № 2 «Отечественных записок» напечатана вторая часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — «Поседыш».

Декабрь, 19. На собрании литераторов у В. П. Гаевского по вопросу об издании литературного сборника «Складчина» в пользу голодающих самарцев был избран издательский комитет, в состав которого вошел и Некрасов.

В этом году вышли: пять частей (тт. I, II и III) последнего прижизненного издания «Стихотворений Н. А. Некрасова», им самим просмотренного, дополненного и исправленного, а также нелегальный «Сборник новых стихов и песен», преследовавший цели революционной агитации, в котором был напечатан и ряд стихотворений Некрасова.

1874 г.

Январь. В № 1 «Отечественных записок» напечатана поэма «Крестьянка» (третья часть «Кому на Руси жить хорошо»).

Февраль, начало. Вышла часть шестая «Стихотворений Некрасова», закончившая шестое издание, начатое в 1873 году.

Апрель. Некрасов посещает Ф. М. Достоевского и предлагает ему напечатать его новый роман «Подросток» в «Отечественных записках».

Май, 21. Некрасов предложил Комитету Литературного фонда субсидировать из своих средств издание сборника к 15-летию основания Фонда и принять убыток от издания, если он произойдет, на свой счет.

Июнь-август. Пребывание Некрасова в его охотничьей усадьбе Чудовская Лука (близ станции Чудово Николаевской ж. д.) где он работает над стихотворениями «Уныние» «Горе старого Наума» и др.

Июль, 13. Под впечатлением судебного процесса «долгушинцев» Некрасов пишет стихотворение «Путешественник», которое удалось напечатать лишь в 1913 году.

Сентябрь. В № 9 «Отечественных записок» появилась статья Л. Н. Толстого «О народном образовании», напечатанию которой предшествовала переписка между Некрасовым и Толстым, возобновившая их старинные отношения.

1875 г.

Январь. В № 1 «Отечественных записок» появилось стихотворение Некрасова «Уныние».

Февраль, 2. Некрасов избран товарищем председателя Комитета

Литературного фонда.

Апрель. Обед у Некрасова в честь отъезжавшего лечиться за границу М. Е. Салтыкова-Щедрина, написано посвященное ему стихотворение «О нашей родине унылой...».

Август. В № 8 «Отечественных записок» напечатана первая часть поэмы «Современники» — «Юбиляры и триумфаторы».

В течение этого года Некрасов неоднократно жаловался своему постоянному врачу, д-ру Белоголовому, на дурное самочувствие, связанное, надо думать, с первыми симптомами его последней болезни.

1876 г.

Январь. В № 1 «Отечественных записок» напечатана вторая часть поэмы «Современники» — «Герои времени».

Май, 19. Сельская учительница А. Малоземова в особом письме заявляет Некрасову по поводу его поэмы «Кому на Руси жить хорошо», что она — «вполне счастливый человек», так как в своей работе на пользу народа находит огромное нравственное удовлетворение.

Июнь — июль. Пребывание Некрасова в Чудовской Луке; состояние его здоровья все ухудшается, и он каждые 10 дней ездит в Гатчину к д-ру Боткину.

Июль, 27. Некрасов возвращается в Петербург.

Август, 28. Некрасов уезжает лечиться в Крым.

Сентябрь-октябрь. Пребывание Некрасова в Ялте; в здоровье его особенно существенного улучшения здесь не произошло, однако он смог написать поэму «Пир на весь мир» (4-я часть «Кому на Руси жить хорошо»).

Октябрь, 30. Возвращение Некрасова в Петербург.

Ноябрь, 1. М. Е. Салтыков, под впечатлением свидания с Некрасовым, пишет Анненкову: «Воротился из Крыма Некрасов — совсем мертвый человек. Ни сна, ни аппетита — все пропало».

Ноябрь, 13. Некрасов, вместе с П. А. Ефремовым, добился освобождения писателя и библиографа Д. П. Сильчевского, арестованного за революционную пропаганду.

Ноябрь, около 22. По докладу цензора Лебедева, «Пир на весь мир», предназначавшийся для № 11 «Отечественных записок», был признан настолько предосудительным, что редакции пришлось вырезать его из журнала.

Декабрь, 4. Ночью написано стихотворение «Зине» («Двести уж дней, двести ночей...»), изображающее невыносимые страдания поэта и

самоотверженный уход за ним его жены.

1877 г.

Январь, 13. Ввиду продолжающегося ухудшения в состоянии здоровья, Некрасов пригласил к себе на квартиру нотариуса М. Успенского и составил духовное завещание в присутствии свидетелей д-ра Белоголового, М. Е. Салтыкова и Г. З. Елисеева.

Вышел № 1 «Отечественных записок», в котором напечатано 8 стихотворений цикла «Последние песни». Эти стихотворения, говорившие о физических и моральных мучениях Некрасова, вызвали взрыв общественных симпатий к нему, проявившихся в присылке многочисленных писем и телеграмм с выражением самого горячего сочувствия.

Февраль, начало. Некрасова посетила Депутация студентов и поднесла ему покрытый сотнями подписей адрес от студентов Петербургского университета и Медико-Хирургической академии.

Февраль, 7—16. Художник Крамской ежедневно бывает у Некрасова, работая над его портретом. В этом же месяце Некрасов начинает диктовать свою автобиографию то сестре Анне Алексеевне, то брату Константину Алексеевичу (однако довести ее до конца ему не удалось).

Февраль-март. Некрасов посылает в тюрьму рабочему Петру Алексееву свое стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие» (отклик на процесс 50-ти).

Март, 9. В беседе с навестившим его А. Н. Пыпиным (двоюродным братом Чернышевского) Некрасов сказал, что распорядился, чтобы часть доходов с его сочинений шла на поддержку Чернышевского и его семьи.

Март, 17. Запись в дневнике, начатом во время болезни: «Худо мне. Мой дом — постель, мой мир — две комнаты; пока освежают одну — лежу в другой. Полрюмки кипрского меня опьяняет, грамм опиума делает меня идиотом, не всегда давая сон. Стихов уже писать не могу...».

Март 23. Вышел № 3 «Отечественных записок», в котором были напечатаны стихотворение «Баюшки-баю» и отрывки из поэмы «Мать».

В конце месяца Крамской окончил портрет Некрасова.

Апрель, 2. Вышла в свет книга: «Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова»; на обороте титульного листа этой книги указано, что она составляет собственность издательницы Ф. Викторовой (то-есть Зины).

Апрель, 4. Некрасов обвенчался у себя на квартире с Зиной.

Апрель, 12. Специально вызванный из Вены знаменитый хирург профессор Бильрот делает Некрасову тяжелую и сложную операцию

colotomia, так как иного средства прекратить невыносимые муки больного и отдалить смерть не было (операция в известной степени достигла этой цели).

В этом же месяце вышел 7-й выпуск «Русской библиотеки», посвященный поэзии Некрасова. Выбор стихотворений для этого издания (типа хрестоматии) был сделан самим поэтом.

Июнь, начало. Посещение Некрасова Тургеневым. Август, 14. Этим числом помечено письмо Чернышевского к Пыпину из Вилюйска, в котором он просит передать выражения его любви и благодарности умирающему Некрасову.

Ноябрь, 5—12. Некрасов написал ряд мелких лирических стихотворений: «Ты не забыта», «Осень», «Муж и жена», «Сон».

Декабрь. В начале месяца Некрасов написал еще несколько стихотворений, в том числе и стихи «О, Муза! я у двери гроба», которое, по свидетельству сестры, было последним его стихотворением. Вскоре силы поэта стали заметно падать.

Декабрь, 27. В 8 час. 50 мин. Некрасов скончался.

Декабрь, 28. Проф. Грубер произвел вскрытие тела, установившее эпителиальный рак средней части прямой кишки.

Декабрь, 30. Необычайно многолюдные похороны Некрасова (за гробом шло около 4000 чел.) на кладбище Новодевичьего монастыря, при организованном участии представителей революционной интеллигенции.

Приложение 2

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ СОЧИНЕНИЙ

Н. А. НЕКРАСОВА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ

1. Стихотворения Н. А. Некрасова ТТ. I–IV. СПб. 1879 г. Издание А. А. Буткевич (сестры поэта); снабжено биографическим очерком, составленным А. М. Скабичевским, комментариями С. И. Пономарева и ценными библиографическими материалами.
2. Некрасов. Собрание сочинений. Тт. I–V. Ред. В. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского. ГИЗ, 1930 г.
3. Некрасов. Жизнь и похождения Тихона Тросникова. Новонайденная рукопись. Ред. В. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского, ГИЗ. 1931.
4. Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений в одном томе. Под редакцией и с примечаниями К. И. Чуковского, со статьей В. Евгеньева-Максимова «Социальные мотивы в поэзии Некрасова». Издание девятое, 1935 г.
5. Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений. Редакция и примечания Корнея Чуковского. Изд. Academia. Тт. I–II. I т. вышел в 1934 г., II т. (в двух книгах) — в 1937 г.
6. Некрасов. Сочинения в одном томе. Ред. К. Чуковского. Вступит, ст. В. Я. Кирпотина. ГИХЛ. 1937.
7. К. Чуковский. Некрасов. Статьи и материялы. Кубуч. 1926.
8. В. Евгеньев-Максимов. Некрасов, как человек, журналист и поэт. ГИЗ. 1928.
9. Он же. Некрасов и его современники. Федерация. 1930.
10. А. Еголин. Некрасов — певец крестьянской демократии. М. 1935.
11. Н. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Academia. 1935.
12. В. Кирпотин. Творчество Некрасова. Советский писатель. 1937.
13. В. Евгеньев-Максимов. Некрасов в кругу современников. ГИХЛ. 1938.
14. Некрасов. 1838–1938.. Сборник статей и материалов. ГИХЛ. 1938.
15. А. Еголин. Некрасов. Критико-биографический очерк. ГИХЛ. 1941.

16. Он же. Некрасов в русской критике. ГИХЛ. 1944.
17. В. Евгеньев-Максимов. Великий русский народ в поэзии Некрасова. Изд. ЛГУ. 1945.

Отв. редактор В. Яковлева
Техн. редактор З. Коренюк
Худож. редактор К. Вишняк

Подписано к печати 6/XII 1946 г.
М 07571 51 200 зн. в печ. л.
5¹/₄ печ. л. 6,28 уч. изд. л.
Тираж 50.000 Заказ № 4385

Тип. им. Володарского
Управления издательств и
полиграфии Исполкома Ленгорсовета

notes

Примечания

Полянин — последний на остававшихся в живых бывших дворовых «Некрасовщины», — скончался в 1913 году.

Гимназические годы Некрасова в течение очень долгого времени представляли темное пятно в его биографии, ибо о них почти ничего не было известно. Потребовались «раскопки» в архиве гимназии, чтобы ликвидировать это темное пятно. Документы, относящиеся к гимназическим годам Некрасова, были отчасти скопированы, отчасти сфотографированы мною еще в 1913 году. Теперь эти копии и фотографии приобрели значение первоисточников, ибо подлинники сгорели во время белогвардейского мятежа в Ярославле, в 1918 году.

В «гимназическом архиве имеются документы, свидетельствующие о том, что отец Некрасова всячески уклонялся от вноса платы за правоучение сыновей.

Один из петербургских кадетских корпусов того времени назывался «Дворянским полком».

Слово «либерал» в эпоху Белинского обозначало — «Передовой человек», сторонник прогресса.

Роман «Жизнь и похождения Тихона Тросникова» найден только в 1930 г.; в 1931 г. он был выпущен Госиздатом отдельной книгой.

«Современник» Некрасова и Панаева не только можно, но и должно считать «новым журналом», ибо он не имел ничего общего с «Современником» предыдущего периода, издаваемым Плетневым.

Усы и борода, с точки зрения николаевских жандармов, свидетельствовали о недостаточной политической благонадежности, а потому, идя по вызову шефа жандармов, было почти обязательно «сбрить усы».

В этой «бумаге» редакторам-издателям «Современника» был объявлен выговор именем самого императора. Потому-то князь Орлов читал эту бумагу — «почтительно стоя».

«Шестидесятыми годами» обычно называют десятилетие с 1856 г. по 1866 г., т. е. вторую половину 50-х и первую половину собственно 60-х гг.

Квартира Некрасова, о которой идет здесь речь, находилась в доме Краевского, на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы (ныне улицы Некрасова). В ней поэт прожил 20 лет — с 1857 г. по день своей смерти.

Эти три строки содержатся в печатном тексте «Рыцаря на чае», но последующие стихи в нем отсутствуют и мало кому известны.

Уже непосредственно после объявления манифеста 19-го февраля 1861 года во многих местностях начались крестьянские волнения, грозившие перерасти во всенародное движение.

П. А. Валуев — министр внутренних дел, бывший также главою Цензурного ведомства.

Среди черновиков найдены наброски глав, в которых должны были содержаться ответы и на прочие мнения, т. е. на мнения тех, кто утверждал, что истинно счастливые люди — это «чиновник», «купчина толстопузый», «вельможный боярин», «царь».

Чернышевский в своих воспоминаниях рассказывает о том, как был потрясён поэт, когда ознакомился с манифестом 19 февраля 1861 года, узаконившим ограбление «освобождаемых» крестьян: «на лице выражение печали, глаза потуплены в грудь... При моем входе он встрепенулся, поднялся с постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил: «Так вот что такое воля! Вот что такое она!»

В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция».

В. И. Ленин. «Пятидесятилетие падения крепостного права».

Большая часть этих строк была запрещена царской цензурой и начала печататься в тексте «Русских женщин» только в советское время, после того как автору этой книги удалось разыскать подлинные рукописи поэмы.

Т. е. Николаю I.

Мачтет рассказал Некрасову о своем участии в революционном движении.

Ф. А. Викторова была дочерью военного писаря, происходившего из крестьян.

Автор настоящей книги с чувством душевного волнения вспоминает и всегда будет вспоминать о своей встрече с Зинаидой Николаевной Некрасовой в 1914 г., в Саратове, где она жила в последние годы своей жизни. Хотя в это время со дня смерти Некрасова прошло около 37 лет, — Зинаида Николаевна не могла спокойно говорить о нем. Свой рассказ о жизни с Некрасовым она несколько раз прерывала горькими слезами, а когда перешла к его предсмертной болезни и теми нечеловеческим страданиям, которые испытывал покойный поэт, разрыдалась так, что я вынужден был прекратить нашу беседу. Зинаида Николаевна несколько раз и с подчеркиванием говорила мне о том, как много она обязана Некрасову в своем духовном развитии. Она гордилась тем, что в конце концов приобрела достаточные знания, чтобы помогать ему в его литературной работе. «А вот самое дорогое, что у меня осталось от Николая Алексеевича», — взволнованно произнесла она, показывая мне том сочинений Некрасова, на котором рукою поэта было написано: «Милому и единственному моему другу Зине».

Вскоре после встречи со мной Зинаида Николаевна умерла. Один из ее знакомых сообщил мне, что она скончалась с именем Некрасова на устах.

Стеснены.

У читателей может возникнуть вопрос: почему Белинский, Чернышевский, Добролюбов, так высоко ценившие Некрасова, ограничивались «похвалами» ему в личных беседах и письмах, но не дали развернутой характеристики его поэзии в печати. Ларчик открывается просто: Белинский, Чернышевский, Добролюбов, будучи сотрудниками журнала «Современник», редактором-издателем которого был Некрасов, считали неудобным высказываться об его поэзии на страницах его же журнала, а в других журналах они не участвовали.

Таково первоначальное заглавие поэмы «Несчастные».

В одной из своих «Последних песен» он писал:

Я умру — моя померкнет слава.

Стихотворение «Юбилейное» воспринимается, в некоторой части, как шуточное. Это позволила Маяковскому, не навлекая на себя обвинений в недостатке скромности, первые места в ряду русских поэтов отвести Пушкину, Некрасову и себе. Однако такая постановка вопроса, если говорить по существу, вовсе не является шуткой, а имеет, за собой серьезные основания.

Старший брат поэта, рано умерший.